

АНДРЕЙ МАРТЬЯНОВ

ЗАКОНЫ ЗАБЛУЖДЕНИЙ

Вестники времен

Андрей Мартьянов
Законы заблуждений

«Лениздат»

2000

Мартьянов А.

Законы заблуждений / А. Мартьянов — «Лениздат»,
2000 — (Вестники времен)

Предопределенный ход исторических событий меняется – медленно, незаметно, но неотвратно. Да, Третий крестовый поход состоится, но каковы будут последствия – не знает никто. Никто, кроме горстки заговорщиков – самых влиятельных людей XII века, жаждущих изменить облик католической Европы. Вскоре будет нанесен последний, решающий удар. И в грандиозном политическом спектакле, разворачивающемся на пространстве от Барселоны до Константинополя, примут участие главные герои цикла А. Мартьянова «Вестники времен» – Мишель де Фармер, Гунтер фон Райхерт и Сергей Казаков.

© Мартьянов А., 2000

© Лениздат, 2000

Содержание

Мессина: прелюдия	5
Глава первая	13
Люди и маски – I	25
Глава вторая	33
Глава третья	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Мартьянов Марина Кижина Законы заблуждений

Автор от души благодарит постоянного соавтора – Марину Кижину за неоценимую помощь, господ М. Бейджента, Р. Лея и Г. Линкольна за справочную литературу, благодаря которой появились на свет некоторые герои цикла а так же С. Казакова – большого специалиста в делах мордобития...

В тексте использованы стихи Ларисы Бочаровой, Евгения Сусорова, Алексея и Анны Ширяевых, Марты Максимовой, Константина Кинчева, Валерия Кудасова, Булата Окуджавы, Константина Бальмонта.

Спасибо им.

И обратился я, чтобы взглянуть на мудрость, и безумие, и глупость...

Экклезиаст, 2:12.

Не ускоряйте смерти заблуждениями вашей жизни, и не привлекайте к себе погибели делами рук ваших.

Премудрость Соломонова, 1:12.

*Chevalier, mult estes guariz,
Qant Deu a vus fait sa clamur
Des Turs e des Amoraviz
Ki li unt fait tels deshenors.
Cher a tort unt ses fieuz saiziz;
Bien en devums avoir dolur,
Cher la fud Deu primes servi
E reconnu pur segniur¹.*

Песня крестоносцев времен II Крестового похода. Неизвестный автор, приблизительно 1145–1146 гг.

Мессина: прелюдия У пятачину!

Сицилийское королевство.

Октябрь 1189 года по Р.Х.

Арбалет – очень опасное оружие.

Металлическая стрела-болт срывается с проволоки тетивы почти со скоростью пули и вполне может пробить любой щит или доспех, а если она проникает в тело сквозь кольчугу, то обломки колец, захваченные острием, способны нанести гораздо худшие повреждения: разорванная кожа и мышцы, в ране застревают острые и почти неуловимые кусочки стали, частицы

одежды, грязь... Еще стрелу можно натереть солью, помазать ядом или, например, дерьмом. Ничего смешного – такая рана, если и окажется не смертельной, почти обязательно приведет к гибели противника попозже, через день или два. Но в самый момент боя враг точно будет выведен из схватки, хотя бы потому, что когда в тебя попадают арбалетным болтом – это просто невероятно больно.

...Казаков всегда пребывал в убеждении, что супермен является только порождением писательской фантазии и голливудских режиссеров. Полные, очкастые и расплывшиеся дяденьки-литераторы, которые в жизни не видели ничего страшнее многоразового шприца и смерти помойной кошки под колесами проезжавшего мимо автомобиля, могут сколько угодно расписывать, как лопающийся от мускулатуры герой с мечом в руке и полуобнаженной красоткой под мышкой, зубами выдирает засевшую в плече стрелу и с молодецким гиканьем бежит дальше, спасать мир от векового зла. Впечатлительные сорокалетние писательницы имеют полное право выводить на страницах исторических бестселлеров подвиги суровых, много переживших и испытавших витязей, способных без мимолетной слезинки перенести проникающую рану в грудную клетку и не обращать на нее внимания, пока не закончится кровавая схватка с пышущим ненавистью врагом. Затем мгновенно появляется «верный друг» с неременной чистой тряпочкой и заранее припасенными «удивительными восточными мазями», быстрая перевязка, полдня хандры и вперед – Черный Ужас Восточного Запада не дремлет и строит козни, волшебный меч пока не заржавел, изволь бороться и сражаться... Так и бродили стадами по хорошо знакомой оруженосцу сэра Мишеля литературе XX века неубиваемые и непобарываемые герои, но... Засунь книжного супермена на настоящую войну – сложится первым же вечером.

Нормальный человек при любом более-менее серьезном ранении (царапины, задевшие только кожу, почти не в счет, однако царапина царапине рознь...) в момент общей схватки обязан отойти во вторую линию обороны или вообще убраться подальше. Потому как кровопотеря наступает быстро, снижается давление, а с ним исчезает острота мысли и необходимое внимание. Даже если очень подфартит и тебя не зарубят тотчас, ты вскоре потеряешь сознание и будешь затоптан своими же. Конечно, можно продержаться на собственном адреналине еще несколько минут и всласть погеройствовать, но такие герои чаще всего именуются просто и объективно: самоубийцы.

Англичанин (...Или аквитанец? Хрен разберешь в темноте!) поднял арбалет и отпустил тетиву. Перекинулся через стену между двух зубцов башни, и пальнул наугад, точно зная, что хоть в кого-то да попадет. Стрела густо, как шмель, вжикнула, задела одного из обороняющихся и врезалась в камень стены, выбив из кладки мелкие осколки.

Через секунду один из сицилийцев – во отточенный глаз у мужика! – молниеносным движением задвинул супостату лезвие меча в зрительную прорезь шлема и обидчик полетел вниз, к своим неудачливым собратьям.

Казакову не повезло, и он осознавал это со всей ясностью. Штурм башни с прозаическим названием «Северная» продолжался уже часа три, все устали, а англичане как лезли так и лезут. Странно, но солдаты Ричарда словно не боятся смерти – погибают одни, их тотчас заменяют другие, третьи и так почти до бесконечности. Или дело в приснопамятном менталитете средневекового человека?.. Ты твердо знаешь, что попадешь в рай?.. Нет, об этом можно подумать попозже, сейчас главное – покинуть основное место событий. Иначе убьют.

...Когда в человека попадает пуля, особенно крупного калибра, сила удара такова, что тело может запросто отбросить на несколько метров. С Казаковым случилась история почти аналогичная – толстенный арбалетный болт ударил не в грудь или в голову, а в левую руку, видимо, по касательной, не задев кость. И все равно Сергея просто смело. Показалось, будто в плечо повыше локтя угодила межконтинентальная ракета СС-20 с термоядерным зарядом,

предназначенным для затопления острова не меньше Тайваня размерами. Казакова крутануло, швырнуло назад и в сторону, он повалился на бок и заорал в голос. Рука моментом онемела.

– Серж! Тебя задели? – Ну конечно. Мессир Гунтер фон Райхерт. Хитрая тевтонская задница в самую гущу не лезет, отговариваясь тем, что плохо обращается с холодным оружием! Предпочитает, забравшись на каменный выступ, отстреливать противника из арбалета. Непыльная штучная работа. Хорошо хоть увидел, что с коллегой-оруженосцем вышла неприятность и немедленно подбежал. – Серж!?

– Ebaniy v rot!!! – отозвался Серж. – Посмотри, что с рукой! Быстрее, мутила грешный!

Русского языка Гунтер не понимал, но смысл указаний был вполне ясен и без перевода.

– В башню, – рявкнул германец, кинув быстрый взгляд на рану. – Идти можешь?

– Ползти! – уже по-английски ответил Казаков и снова взвыл, когда пришлось шевельнуться. – Помогай встать! Брось ты на хер свою стрелялку!

Легкий гунтеров арбалет улетел в оранжевую факельную полутьму.

– Идиот! – яростно шипел Гунтер, подсобляя Сергею подняться на ноги. – Тебя предупреждали? Просили туда лезть? Мама дорогая, кровищи сколько!.. Давай шевелись!

Шальная стрела, на сей раз лучная, пущенная из-под стен навесом, глухо брякнула наконецником у ступней, не зацепив германца. Позади гроыхало оружие, кричали англичане и сицилийцы, кто-то с визгом сорвался со штурмовой лестницы, бегали оттаскивавшие в сторону раненых монахи ордена святого Бенедикта. Веселье разгорелось вовсю.

– Прорвались! – гроыхнул резкий голос недавнего знакомого, шевалье Роже де Алькамо, предводителя оборонявшего Северную башню норманнского отряда. – Гильом, задери тебя стадо бесов! Гильом, ко мне, быстрее!

Гунтера едва не сбили с ног. Мимо, словно бешеный медведь, пронесся младший брат и оруженосец мессира Роже – здоровущий малый в плотном кожаном доспехе с металлическими накладками на груди и старинном шлеме-шишаке. За Гильомом топали еще полтора десятка вояк, ибо шагах в двадцати в стороне, там, где угол барбикена продолжался стеной города, англичане сумели опрокинуть защищавшихся сицилийцев и полезли через зубцы укреплений, будто вооружившиеся мечами тараканы. Драка завязалась немедленно – Гильом работал своим клинком (не особо и длинным, кстати...) словно воплотившейся в металл молнией – с его-то силушкой! Германец, продолжая подтаскивать Казакова к распахнутой двери, ведущей внутрь башни, только присвистнул, увидев как младший Алькамо с легкостью рассек кольчугу английского сержанта, тут же повел руку вправо, и рубанул по кисти другому солдату короля Ричарда, начисто лишив пальцев.

– Хватит считать ворон! – настырно напомнил о себе Казаков. – Потом будешь любоваться! Мммать!!

Двое англичан пробили строй норманнов, но первого успел ранить сицилиец из отряда Алькамо, а вот второй, увидев более легкую добычу, схватил рукоять клинка обеими руками и рванулся в сторону двери. Гунтера и Сергея отделяло от врага метров десять-двенадцать, арбалет германец бросил, левая рука занята – приходится удерживать за здоровое плечо Казакова... Обоих порешит!

Сработал рефлекс. Когда на тебя с неразборчивым воем несется поднявший меч громила и в точности известно, что он собирается тебя убивать, а не кормить миндальными пирожными, ты инстинктивно, ничуть не раздумывая, примешь все меры к обороне, а уж какими они окажутся – дело десятое. Поэтому рука автоматически скользнула к поясу, щелкнул замок кобуры, а когда англичанин находился всего в одном прыжке и начинал опускать клинок, хлопнул выстрел. Голова мечника резко дернулась назад, его опрокинуло на спину, будто пружиной, свалившееся на пол крепостного перехода лезвие высекло розовую искорку из гранита.

– Преимущество цивилизации перед средневековым варварством, – хрипло заключил Гунтер. – Как чувствовал – надо брать пистолет... Давай вперед!

На лестнице, ведущей к первому этажу Северной, пришлось потолкаться – одни торопятся вниз, другие навверх, пожилой бенедиктинец тащит на горбу раненого и ничуть не жалуется, ибо монахи в здешних войнах выполняют примерно те же самые функции, что Международный Красный Крест в будущем – они и лекари, и дипломатические представители, и обязательные спасители заблудших. Неважно, что ты умрешь – главное, получить отпущение грехов да последнее причастие перед недолгим путешествием бессмертной души ко Вратам, охраняемым апостолом Петром.

– Я здесь не останусь, – замотал головой Казаков, когда они наконец очутились в большой квадратной зале с выходом на улицы города. – Это полное безумие...

Гунтер оценивающе взглянул на Сергея. Да, мессир оруженосец начинает терять, если будет позволено так выразиться, товарный вид. Резко побледнел, струйки пота льют по лицу, губы вздрагивают. Безусловно, находиться в забитом пострадавшими во время штурма сицилийцами вонючем помещении категорически не следует – заражение подхватишь немедленно. Вот, извольте видеть: норманн с накрепко перевязанной разрубленной ногой валяется возле кучи лошадиного помета, ибо доселе нижние залы башни использовались как королевская конюшня. В воздухе летают черные ниточки копоти от факелов. Местные монахи ничего не знают о бактериях и стерильности и не узнают еще лет семьсот... Но все равно требуется быстро остановить кровь. Любым способом. От гангрены умрешь через неделю, а от кровотечения – спустя полчаса.

– Сиди тут, – Гунтер устроил Казакова на солому возле стены (здесь хоть было почище) и громогласно воззвал: – Святые отцы, помогите!

Подбежал сизоносый кривой бенедиктинец в драной коричневатой рясе, подвязанной измызганной веревкой. Эдакое немывтое воплощение добродетели и милосердия. Ладони – черные от грязи и подсыхающей крови, под ногтями вполне можно устраивать археологические раскопки с полной уверенностью, что там с прошлого тысячелетия завалялись сокровища древнего Рима. Казаков закашлялся, бросил на германца неистовый взгляд и шарахнулся от монаха, собравшегося исследовать рану своими ручищами спившегося ангела-хранителя, будто от всадника Страшного суда.

– Позвольте, – Гунтер непреклонно отодвинул святого брата, реквизируя у того принесенные тряпки.

Увы, но Казаков, сдуру решивший поучаствовать в драке, надел перед штурмом кольчугу, которая, вдобавок, была ему немного узковата. Кто не знает, с какими трудностями сопряжено снятие подобного доспеха, пускай попробует на себе – Гунтер тотчас отказался от мысли стащить с русского кольчатую броню. Придется пока обойтись повязкой поверх рукава.

– Посторонись, – рывкнули за спиной. – Давай мы его к вам положим!

Взмыленный сэр Мишель де Фармер с двумя сицилийцами приволок еще одного покалеченного. Пресвятая Дева, это же Гильом де Алькамо!

– Гунтер, подхвати его! – рычал нормандский рыцарь. – К стене, спиной прислони... Позаботься, мы обратно побежали!

И сэр Мишель, на ходу надевая свой глухой шлем с позолотой, со всех ног кинулся обратно, к лестнице. Гунтер только застонал, увидев нового подопечного.

Гильом находился при смерти. Рана, видимо, была нанесена топором. Лишь боевой топор, наиболее жуткое и опасное ручное оружие, оставляет подобные травмы – прорублена воловья кожа доспеха, одежда, разможена грудная клетка, ребра перебиты и белесые осколки торчат наружу, подкрадывает поврежденное легкое. Розовая пена на губах. Хуже всего, что Алькамо-младший доселе в сознании. Все видит и чувствует. Организм у норманна могучий, умирать придется долго...

– Я не знаю, что с этим делать, – Гунтер растерянно посмотрел на Казакова, ища поддержки. Сергей сморщился, скрипнув зубами поднялся – лицо даже не бледное, а сероватое, но

видно что пока господин оруженосец держится и грохаться в обморок не собирается. – Серж, как...

– Никак, – огрызнулся Казаков и вдруг огляделся. Махнул здоровой рукой, подзывая монаха. Тотчас подошедший бенедиктинец смотрел на задыхающегося Гильома с профессиональным равнодушием, однако понял, что нужно делать. Наклонился, шепча неслышимые латинские фразы.

– Нельзя лишать человека последней надежды, – на английском сказал Сергей Гунтеру. – Гильом верит... По-настоящему.

Монах, вложив в рот сицилийца маленький, с ноготь, кусочек хлеба отошел и направился к остальным собратям – понимал, что больше ничем помочь нельзя, даже стараться нечего. Казаков присел на корточки, невозмутимо взглянув на Гильома. Тот лишь согласно прикрыл веки, не в силах произнести единого слова.

Тонкое, похожее на длинное шило лезвие кинжала тускло блеснуло в болезненно-желтом свете факела, германец даже не успел дернуться, остановить... Казаков быстрым, умелым и словно заученным движением ударил норманна в левое ухо острием, клинок вошел почти по рукоять, со звуком, похожим на щелчок ломающейся сухой веточки. Глаза Алькамо-младшего остекленели и подернулись неуловимой дымкой через секунду.

Быстро и безболезненно.

– Если со мной выйдет нечто подобное... Ты тоже?.. Так? – выдавил германец.

– Именно, – буркнул в ответ Сергей, выдернув кинжал. Бисерная капелька крови упала с металла на солому. – Никак иначе. И, если не испугаешься, в нужный момент сделаешь это для меня. Хирургов здесь нет, так что придется чуточку изменить отношение к сопливному милосердию двадцатого века. Запомнил? Точно в наружный слуховой проход... Ладно. Лошади где остались? Поехали в монастырь, к Беренгарию, там нормально переведемся... Быстрее, кровь все равно течет! А у меня в вещах осталась аптечка.

– Полагаю, нас сочтут дезертирами, – вздохнул Гунтер. – Если судить по справедливости, мы – подданные английского короля, а воюем против своих же.

– Свины вы, а не верноподданные... – выдавил кривую улыбку Казаков. – Давай, шевелись!

На улице было ясно слышно, как наверху, на стене продолжается бой с англичанами, решившимися на ночной штурм. Пока атаковали только две мессинские башни и отрезок стены между ними, однако оставалось неясным, надолго ли хватит задора у Ричарда и его разудалого воинства. При желании Львиное Сердце мог положить под стенами столицы островного королевства половину армии, но от своего не отступить.

* * *

На войне могут убить – эта фундаментальная истина отлично известна каждому. И тому, кто лично участвовал в вооруженных столкновениях большего или меньшего масштаба, и мирному обывателю, любящему послушать или почитать истории о знаменитых сражениях или дальних походах зимним вечером под завывание вьюги и уютное потрескивание очага. Никто не застрахован от фатальной неудачи. Конечно, куда чаще погибают рядовые, но и генералам далеко не всегда улыбается военное счастье. Истории известны случаи смерти на поле боя самых великих – императоров, королей, осиянных немеркнувшей славой полководцев, долгие десятилетия не знавших самой простенькой раны, и вдруг убитых случайно снесенной ветром стрелой... Но по крайней мере, любой солдат знает на что идет, отлично разбирается в своем ремесле и владеет незаменимым опытом.

У сэра Мишеля таковой опыт имелся – несмотря на достаточно молодой возраст нормандский рыцарь почти полтора года участвовал в гражданской войне в Аквитании, когда

английские принцы и король Франции ополчились против Генриха II Плантагенета. Гунтер тоже прекрасно знал какова война изнутри – как никак за одиннадцать месяцев прошел Восточный и Западный фронты начавшейся в сентябре 1939 года Второй мировой, видел все крупные наземные и воздушные операции, от Польши до Франции, и очутившись вместе со своим «драконом» в эпоху, отделенной от огнедышащей середины XX века семью с половиной столетиями, надеялся хоть здесь немного отдохнуть. Романтические представления о ратном искусстве у Гунтера полностью выветрились – лучше уж быть простым мирным бюргером, чем ежечасно рисковать своей шкурой ради удовлетворения тщеславия свихнувшихся политиков. Не вышло.

...Двенадцатое столетие являлось эпохой непрерывных войн, полыхавших во всех известных землях цивилизованного мира. Дрались между собой японцы за обладание императорской короной, Китай – Поднебесная противостояла степнякам, сельджуки завоевывали новые пространства: познакомиться с турецкой саблей каждый желающий мог и в княжествах северной Индии, и возле границ Византии. Девяносто лет не прекращался конфликт крестоносцев и арабов, причем последние воевали сразу на четыре фронта – против ромеев, франков, турок и снова франков, только уже не в Палестине, а на Иберийском полуострове. Русские князья или грызлись промеж собой, будто соревнуясь, кто больше друг другу напакостит, или ходили за добычей в Степь – вздуть половцев. Только два лета назад, в 1187 году, князь Игорь Новгород-Северский получил от степняков сдачи и оказался в плену, на горе княгине Ярославне...

В Европе дела обстояли еще хуже. По очереди с востока на запад: крестовый поход германских рыцарей против язычников-прибалтов и непрестанные распри с Венгрией и Польшей. Непрерывная борьба Фридриха Барбароссы против итальянских торговых городов, Папского государства и Сицилии. Завоевание Финляндии королем Олафом Святым. Упомянувшийся конфликт Генриха Английского с сыновьями. Наваррцы, кастильцы и португальские христиане в состоянии перманентной войны с халифом Кордовы. Бунты в Шотландии (ну, это не в счет – горцы всегда цапались с саксами, норманнами, и всеми, до кого могли дотянуться...). И так далее. Плюс – начинающийся Третий крестовый поход, способный достойно завершить картину этого сумасшедшего века. Так что Гунтеру при всем желании отдохнуть не получилось бы.

А Казаков отдыхать вовсе не собирался. Ему, видите ли, было интересно повоевать в малознакомой обстановке. Ну какой, скажите, нормальный человек, прежде видевший меч только в музее, в кино или державший его в руках на фестивале исторической реконструкции «Мы – славяне!», полезет в драку, где упомянутые мечи по-настоящему заточены и никто не станет жалеть силу для удара?

Вечером, когда все семейство де Алькамо собралось на Северной башне города, Казаков едва не силой потянул Гунтера с собой.

– Ведь интересно же! – заявил Сергей. – И опасности никакой! Обороняющийся всегда находится в более выгодном положении, чем атакующий. Если англичане пойдут на стену, мы их запросто сбросим! Только бы бронежилет раздобыть...

– А еще каску, автомат и связку гранат, – мрачно добавил Гунтер, но тут же вытащил из своего мешка кобуру с «Вальтером» и пристроил к поясу. Мало ли. Осмотрительность никогда не помешает. – Бронежилетов тут не водится, а вот... Гильом! Гильом, поди сюда!

Высоченный беловолосый верзила, младший братец главы семьи Алькамо, воззрился на Гунтера вопросительно.

– У вас в оружейной не найдется кольчуги для мессира Сержа? – спросил германец. – Он тоже хочет постоять за честь Сицилийского королевства.

– Что ж вы так, господа мои, – вздохнул Гильом, возводя глаза к потолку. – Собираетесь в Палестину, а доспеха не имеете?

– Неправда! – искренне возмутился Гунтер. – У меня кольчуга давно поддета, только ее под курткой не видно. Вот, смотри. А Сержу мы еще просто купить не успели. Он только совсем недавно решил отправиться с нами в Святую землю. Так найдешь кольчугу?

– Пойдем, – махнул рукой Алькамо-младший. – Но с возвратом, вещь ценная. По английским деньгам хорошая кольчуга шиллинг стоит. Простецы на такие деньги могут год прожить.

Кольчатый доспех был самую малость тесноват. Казаков думал, что он будет тяжелым, но выяснилось, что металлическое плетение чувствуется увесистым, только когда держишь его в руках, а, надев, вес практически не ощущается.

Сэру Мишелю, похоже, было все равно, за кого воевать. Во-первых, английский король (его король) категорически не прав в своих притязаниях, во-вторых, англичане для Мишеля люди чужие, ибо родом он происходит с континента. Разумеется, Нормандия входит в состав Английского королевства, но непосредственным сюзереном де Фармера является герцог Нормандский. Посему – постоим за справедливость! Ричарду давно следует намылить холку!

– И все равно я тебе не советую, – сказал Гунтер Казакову, который взмахивал руками, желая проверить, удобно ли двигаться, когда на тебе одета непривычная кольчуга. – Согласись, ты ведь не умеешь!

– Наш рыцарь идет в бой, – слегка насмешливо ответил Сергей, – следовательно, добрые вассалы обязаны построиться и следовать за господином. Не бойся, ничего со мной не случится. Кое-какие профессиональные знания не забываются даже за восемьсот лет, на которые мы с тобой помолодели. Мне просто интересно. Знаешь, у нас в России есть такое слово: «Bezbashennyi». Если переводить на аглицкий – crazy. Безбашенность-то как раз и спасает в любой ситуации.

– Любопытство кошку стубило, – напомнил Гунтер, фыркнув. – Впрочем, как знаешь. Если убьют – домой лучше не возвращайся. И потом, что я скажу Беренгарию? Не могу себе вообразить, как наваррка рыдает над твоей могилой. Зато отлично представляю, как расправляются с дурными вестниками ретивые девочки-принцессы, у которых угрохали любовника.

– Другого найдет, – легкомысленно отозвался Казаков. – Ты-то выживешь? Вот и займешься.

За время штурма Казаков все-таки положил четверых англичан и нескольких ранил. Но все равно не уберется. Человек далекого будущего представляет себе войну довольно смутно и по-своему: стратегические бомбардировщики, ракеты, набитые оружием плутонием боеголовки, комплексы ПВО, танки и прочие предназначенные к смертоубийству технологии. Здесь все по-другому. Как совершенно правильно говорил Арамис из «Трех мушкетеров», «тут могут и убить». Казаков мог легко справиться с одиночным противником, ну, с несколькими, при помощи мордобойной науки XX века, когда тебя учат полагаться более не на оружие, а на свое тело, однако действовать в общей свалке обучен не был. Разумеется, недурно поразмяться таким образом вполне можно, да пострадать супостата невиданными боевыми кличами, начиная от некогда услышанного в Белоруссии «У пятачину!» (Казаков перевел эту абсолютно невыговариваемую славянскую фразу для Гунтера как «в торец» но тот все равно не понял) до классического японского «Кийя!». Но нельзя браться за дело, плохо себе представляя, как именно его делать, кого прикрываешь ты, а кто тебя, надо ли бояться прямого рубящего удара, отбивать его или отводить... Кто более опасен – противник с длинным мечом или только с кинжалом, с топором или с арбалетом.

Эти знания приобретаешь на опыте и довольно быстро. Втягиваешься. Однако за такую науку можно и поплатиться.

Есть лишь три легенды сказочных веков.
Смысл их вечно-старый, точно утро нов.

И одна легенда, блеск лучей дробя,
Говорит: «О, смертный! Полюби себя!»

И другая, в свете страсти без страстей,
Говорит: «О смертный! Полюби людей!»

И вещает третья, нежно, точно вздох:
«Полюби бессмертье. Вечен только Бог».

Есть лишь три преддверья. Нужно все пройти.
О, скорей, скорее! Торопись в пути.

В храме снов бессмертных дышит нежный свет,
Есть всему разгадка, есть на все ответ.

Не забудь же сердцем и сдержи свой вздох:
Ярко только солнце, вечен только Бог!

Глава первая

Они хотят войны? Они ее получают!

9 октября 1189 года, ночь и раннее утро.

Мессина, королевство Сицилийское.

Маленькое средиземноморское королевство, управляемое Танкредом Гискаром, вторую седмицу пребывало в удивительном состоянии – и войны нет, и о мире говорить сложно.

Мессина, столица норманнского государства, основанного герцогом Роже шестьдесят лет назад, находилась в кольце осады, но нигде более на острове военных действий не велось. Прочие города и замки – Палермо, Трапани или Сиракузы, а также земли на материке, включавшие в себя южные провинции Италии, вплоть до Неаполя, жили обычной размеренной жизнью, торговали, принимали ломбардские корабли с товарами, отправляли за море крестоносцев и напряженно следили, что же происходит в метрополии.

В начале октября на остров высадились две многочисленных – поговаривали о двадцати или даже двадцати пяти тысячах воинов – и хорошо вооруженных армии. Первая составлялась из английских и аквитанских рыцарей, французских норманнов и прочих подданных короля Британии Ричарда I Плантагенета, а вторую возглавлял представитель славной династии Капетингов Филипп II Август, человек не столько воинственный, сколько хитрый. Стоит упомянуть, что сицилийский король Танкред и сам обладал крупным, хорошо обученным воинством, закаленным в почти непрерывных войнах с германцами в Италии и сарацинами в Северной Африке. Нахальные средиземноморские норманны отваживались нападать даже на могучую Византию, отобрав недавно у Константинополя остров Корфу и изрядно потрепав греческие колонии на Пелопоннесе. Если армии Англии, Франции и Сицилии сцепятся – быть большой беде.

Филипп-Август вовсе не собирался воевать. Этот толстый, с виду флегматичный и полусонный король никогда не обнажал меча без повода, предпочитая загребать жар чужими руками. Разместившееся на кораблях французское воинство отдыхало и выжидало, а сам Филипп попеременно обещал вечную и нежную дружбу то Ричарду, то Танкреду, принимая обязательства и раздавая авансы. Француз хотел всего лишь поправить свои денежные дела, которые, впрочем, и так шли неплохо.

Причиной ссоры между Ричардом Львиное Сердце и королем Танкредом Гискаром послужило, как это всегда и бывает, «дерьмо дьявола» – золото.

Постоянно находившийся на краю финансовой пропасти Ричард требовал от сицилийца вернуть приданое своей сестры, вдовствующей королевы Иоанны, бывшей замужем за предыдущим норманнским королем Вильгельмом, коему Танкред приходился племянником. Приданое немаленькое – восемьдесят тысяч золотых безантов. Когда стало ясно, что Танкред деньги не отдаст, Ричард не на шутку оскорбился (сыграла свою роль и обида, нанесенная Плантагенету сицилийским монархом – он принудил непобедимого доселе англичанина признать на турнире поражение, выбив меч из рук) и решил воздействовать на неговорчивого норманна силой. Английские рыцари окружили столицу Танкреда, невзирая даже на то, что в городе оставался прибывший на Сицилию вместе с крестоносцами Папа Римский Климент III.

От этой авантюры Ричарда отговаривали – между христианами установлен Божий Мир, нападение на католического короля может быть воспринято как оскорбление Церкви и Папы,

да и драться-то, в сущности, не за что: восемьдесят тысяч не такая уж большая сумма для монарха, владеющего вторым по величине и богатству королевством Европы. Однако за минувший год Львиное Сердце умудрился потратить больше двух миллионов фунтов, половина из которых досталась в наследство от отца, Генриха II, а вторая была с кровью выбита из подданных канцлером Уильямом де Лоншаном. Одним словом, Ричард за время подготовки к Крестовому походу бездарно растратил десять годовых доходов страны, залез в долги ко всем, кому только можно, включая банки, содержавшиеся духовно-рыцарским Орденом Храма, и теперь ему не на что было кормить свое воинство. Наследство Иоанны могло помочь королю выпутаться из неприятностей хотя бы на время. А далее англичан ждет богатейшая добыча в Святой земле.

Королева-мать Элеонора Пуату, вдова старого Генриха, всеми возможными способами пыталась помочь любимому сыночку, ибо ее соображения опытного и мудрого политика требовали немедленной отправки Ричарда в Палестину. Одновременно Элеонора не желала ссориться с Танкредом, а более всего опасалась гнева Церкви – за нарушение Божьего Мира Ричард вполне мог схлопотать от Папы Климента суровое наказание, вплоть до отлучения. Она нашла выход – получив от некоего сэра Мишеля де Фармера тайное известие о том, что в Лондоне обнаружены огромные денежные запасы проворовавшегося канцлера (беднягу повесили за мздоимство, грабеж и злоупотребление властью полтора месяца назад), Элеонора связалась с командорами тамплиеров и заняла у Ордена под верительное письмо значительную сумму денег.

Переубедить Ричарда, решившего не отступаться, ей не удалось. Король Англии, славный как безумными подвигами и поэтическим талантом, так и буквально ищачьим упрямством, твердо стоял на своем: Танкред обязан вернуть наследство вдовы. Откажется – возвратим золото силой. На уговоры матери Ричард не поддался, хотя боялся Элеонору больше, чем церковного отлучения. На карте стояла его честь, как предводителя Крестового воинства – рыцари и пехота не могут кормиться воздухом, вдобавок Ричард обещал платить каждому конному шевалье по тридцать безантов, на которые рыцарь должен содержать свое копьё.

Возмущенный Танкред запер ворота Мессины после того, как один из англичан затеял драку с торговцами хлебом, а Ричард, только и ждавший появления *casus belli*, не потерпел нападения на своего подданного: тем же вечером он начал обстреливать коронный замок Мессины с моря, из уставленных на кораблях баллист, и попытался взять город с наскоку. Сицилийцы отбились, после чего Львиное Сердце начал правильную осаду – следовало подготовить штурмовые лестницы, сделать подкопы и вообще запугать Танкреда мощью английской армии. Но сицилиец не относился к числу боязливых людей и к тому же надеялся на помощь со стороны Филиппа-Августа. Король Франции помалкивал, соблюдая нейтралитет.

Филипп не вступал в баталию по двум причинам. Во-первых, если Ричард добьется своего, французская казна по договору получит половину добычи – любые захваченные со времени отплытия крестоносного флота из Марселя ценности подлежат дележу. Во-вторых, Капетинг, являвшийся умным политиком, понимал, что не следует ссориться ни с Англией, ни с Сицилией. Деньги так или иначе окажутся в его сундуках.

Стояние под стенами Мессины, когда англичане изредка предпринимали вылазки, а французы высокомерно посматривали на глупый спор о наследстве, продолжалось неделю и конца-края ему не предвиделось. Столица Сицилии хорошо укреплена, подданные Ричарда разошлись и предвкушали грабеж в случае взятия города, Крестовый поход приостановился, а Львиное Сердце благодаря собственной твердолобости вознамерился оставаться на острове хоть до дня Страшного Суда. Тем более, что кредиторы – ломбардские банкиры и рыцари Ордена Храма – ненавязчиво напоминали ему, что подходит срок выплат по векселям.

Все разумные люди – королева-мать Элеонора, Танкред, престарелый Римский Папа и Филипп-Август – понимали: ситуацию нужно взять в свои руки и любым способом добиться завершения конфликта.

Главным препятствием, как во всех подобных случаях, являлись смертные грехи, обуявшие английского короля: стяжательство, гордыня и тщеславие.

* * *

– Ваше высочество, где горячая вода?

– Я вам служанка, сударь? Ох, простите... Я уже послала монахинь на кухню.

– Да держите же! Пережмите ему руку! Еще повыше! Дьявольщина...

– Не богохульствуйте, вы в монастыре. Может быть, пригласить капеллана для исповеди?

– С ума сошли? Какой капеллан? Жмите, черт бы вас побрал!

– Утихомирьтесь, мессир. Я видела самые разные раны и привыкла к виду крови.

– Я просто счастлив... Да уберите вы своего кота!

– Гуэрида, брысь! Брысь, кому говорю!

– Кинжал! Не этот, потоньше. Посмотрите в моем мешке, там должна быть деревянная фляга с залитой воском крышкой.

– Нашла. Открыть?

– Дайте сюда.

Внезапно подал голос объект хлопот Гунтера и принцессы Беренгарии Наваррской:

– Ты только спирт на рану не лей!

– Заткнись!

– Дай хлебнуть.

– Беренгария! Плесните в бокал красного вина и наполовину разбавьте этой жидкостью.

А ты помалкивай!

– Какая гадость... – принцесса наконец отодрала пробку, раскрошив воск, и понюхав, закатила глаза. – Пахнет, будто очень крепкое вино.

– Это и есть вино, только сгущенное. Давайте бокал. А ты пей.

– Наркоз, бля...

– Если не нравится – получишь обухом топора по черепу. Вот тогда будет наркоз. Все, лежи и терпи.

Ворвались две монашенки – келарь обители святой Цецилии Мария Медиоланская и сестра Клара Болонская, недавняя послушница, лишь месяц назад принявшая постриг. У каждой в руках по кувшину с исходящей паром горячей водой.

– Мы будем молиться за благополучный исход, – быстро сказала сестра Мария, передав сосуд Беренгарии и извлекая из рукава сверток ткани. – Вот чистое сукно...

– Какое сукно? – рывкнул Гунтер. – Оно ворсистое, только загрязнит рану! Других тряпок не нашли?

– Постойте, – всплеснула руками Беренгария. – Шелк! У меня ведь есть шелк! Подарок жениха...

Схватив один из лежащих на столе ножей, наваррка ринулась в соседнюю комнату, вскоре послышался треск разрезаемой ткани, а германец понял: перевязка вылетит в весьма кругленькую сумму, ибо Ричард на недавнем банкете в замке короны преподнес Беренгарии четыре отреза византийского шелка, который стоил безумных денег. Ничего, надо полагать, принцесса вполне обойдется имеющимся немаленьким гардеробом.

Казаков опьянел моментально, буквально до поросычьего визга, если бы была возможность таковой звук издавать. Глаза помутнели, взгляд устался в одну точку, рот приоткрылся... Еще бы, принять столь убийственную смесь: почти пол-литра выдержанного густого

сладкого вина напополам с чистейшим хлебным спиртом. Спасибо отцу Колумбану – монах отлично научился производить и фильтровать *Spiritus vini*, сделав запас не только для питания ненасытного двигателя дракона Люфтваффе, но и для нужд, именующихся бытовыми.

– Так, – Гунтер нерешительно взял короткий и тонкий кинжал. Кольчугу с пострадавшего уже сняли, разрезали и стянули войлочный подкольчужник вместе с рубахой, а затем перевернули Казакова на правый бок. Операционным столом служили сдвинутые вместе громадные сундуки с деньгами королевы Элеоноры. – Ну, с Богом что ли?

– Вы просили иголку, шевалье, – заикнулась Беренгария, протягивая Гунтеру серебряную коробочку со швейными принадлежностями. – Шелковую нить я вдела.

– Налейте в коробку спирта... тьфу, этого... сгущенного вина из фляги. Пусть так постоит. Не мешайте, пожалуйста.

– Я и не мешаю, – обиделась принцесса. – По-моему, я делаю все, как вы говорите, мессир фон Райхерт.

– Извините...

В армии Третьего Германского Рейха медицинская подготовка была обязательной, а высокие комиссии из Берлина постоянно проверяли соответствующие знания у солдат и младших командиров. Оказать первую помощь на поле боя должен уметь каждый, не дожидаясь появления санитаров или доктора.

В один далеко не прекрасный день мая месяца 1940 года английские бомбардировщики, внезапно появившись из-за Ла-Манша, нанесли по базе эскадры StG-1 удар, послуживший причиной гибели почти четверти летного состава и наземного персонала (куда смотрели коллеги из истребительной авиации и радарные службы?), причем несколько бомб накрыли штабное здание вместе с находившимся там пунктом первой помощи. Оставалось только использовать личные аптечки – когда налет завершился, Гунтер вместе со своим стрелком-радистом Куртом Мюллером и еще несколькими офицерами выбрался из щели-убежища, обнаружив на изрытом воронками летном поле больше тридцати раненых. Пока не подошла помощь со стороны госпитальной службы сухопутных частей Вермахта, приходилось спасать пострадавших собственными руками. Были и осколочные ранения, и ожоги...

Но ничего подобного сегодняшнему Гунтер не видел, а потому сомневался в своих силах весьма неопытного медика (какого, к дьяволу, медика? Орднунг есть орднунг, а значит, он вовсе не обязан заниматься тем, что должны делать специалисты с врачебными дипломами Кёльна или берлинского Университета!). Арбалетный болт ударил Казакову в плечо, разорвав трицепс и выхватив из мышечной ткани изрядный кусок. По счастью, стрела с кованым ромбовидным наконечником не задела проходящие с другой стороны кости крупные сосуды и саму кость. Гунтер только сегодня видел, как подобный снаряд практически оторвал руку какому-то сицилийцу – кость расколота надвое и висит только на лоскутах кожи и мышц.

Рана напоминала пробитый в ткани плеча лохматый желоб. Придется срезать неровные края, тщательно исследовать на предмет посторонних включений и попытаться стянуть кожу так, чтобы можно было зашить. А потом все решит дело случая, сила организма и Господь Бог. Конечно, вещи из гостеприимного дома синьоров Алькамо перенесли в монастырь еще три дня назад и в бауле Казакова обнаружилась прихваченная с разбитого вертолета аптечка, но... Гунтер не верил, что лекарства, называемые Сергеем «антибиотиками», могут серьезно помочь от заражения.

– Потом... Не забудь... – очень пьяно пробормотал Казаков. – Там флакончик, на нем латинскими буквами написано «Цефран»...

– Не забуду. Все. Можешь орать, можешь молчать. Главное, не шевелись. Кинжал острее бритвы, дернешься – руку отрежу.

Надрез, второй... Комочек малоприятно скользкого желе, бывший некогда живой плотью, полетел в глиняную мисочку. Беренгария даже не морщится – молодец девчонка! Видно,

действительно у себя в Наварре перевидала многое. Острие зацепляется за что-то твердое – пожалуйста, искореженное колечко кольчуги, сорванное болтом. Удалить. Клочок войлока – надо посмотреть внимательнее, чтобы не осталось волосков. Еще надрез. Казаков, под каким градусом бы ни был, тихонько взвыл и слезы потекли бурным ручьем. Только в бездарных книжках говорится, будто настоящие мужчины не плачут – естественные рефлексy, как это ни жаль признавать, присутствуют даже у Самых Настоящих Мужчин и слезоотделение к таковым рефлексам относится непременно.

Кажется, чисто. Тампоны из темно-пурпурного шелка, вымоченного в спирте и как следует просушенными, промокли кровью все до единого, но деятельная Мария Медиоланская, взявшаяся помогать, постоянно вертит новые, разрезая жутковатого вида ножницами драгоценный шелк Беренгарии.

– Беренгария! Стяните пальцами рану! Нет, сначала дайте иголку!

– Возьмите, – принцесса вытащила из металлической коробочки с вычурной восточной чеканкой мокрую от спирта иглу со вдетой ниткой. – Как держать? Правильно?

– Края раны должны сойтись... Не перекашивайте, а то потом ему будет трудно работать рукой из-за грубого шрама. Серж! Серж, ты меня слышишь?

– Пошел в жопу, – очень тихо, но уверенно отреагировал Казаков.

– Пальцы действуют? Пошевели.

Пошевелил. Слабенько, но работают. Замечательно!

– Кошмар!.. – бормотал Гунтер, прокалывая толстой прямой иглой кожу. – Никогда бы не подумал, что человек такой твердый. У мессира оруженосца шкура, будто у бегемота... Или у носорога.

Люди, которые никогда не шили по живому человеку и которым из-за особых обстоятельств или по неотложной необходимости приходится впервые накладывать швы, всегда удивляются, насколько тяжело проткнуть такую, казалось бы, податливую и мягкую кожу. Особенно если совершаешь эту процедуру не хирургической иглой, а подручным материалом – то есть хранящейся у каждой уважающей себя женщины и запасливого мужчины иголкой для шитья, а то и просто заточенной скобой. Следует дополнить картину непрекращающимся кровотечением, мгновенно промокающими тампонами, бестолковостью помощников (только монахины, неплохо освоившие лекарское искусство, хоть немного соображают) и липкими, скользкими пальцами, из которых выскальзывает инструмент. То еще удовольствие.

– Семь швов, – констатировал Гунтер, любуясь своей работой. – И еще четыре внутри. Пытался мышцу сшить, уж не знаю, как получилось... По-моему, правильно. Преподобная Мария, перевязывайте.

Аптечка Казакова располагалась в длинной пластиковой коробке с надписями на английском языке. Куча непонятных маленьких приспособлений в запаянных прозрачных пакетиках, шприцы-тюбики, известные и во времена Второй Мировой, а самое главное – роскошный перевязочный материал специально для тяжелых повреждений. Гунтер, немного подумав, разорвал один из пакетов, в котором оказалась странная подушечка с поверхностью, похожей на тонкий металл, приложил ее к свежей ране и быстро примотал прилагавшимся розовым бинтом. Мария Медиоланская наложила сверху несколько шелковых полос.

– Цефран... – германец перебирал не запачканным в крови мизинцем тюбики. – Ага, вот, по-моему... Только куда колоть? Серж!

Казаков то ли спал, то ли потерял сознание. Пришлось действовать наугад. Методика была избрана вполне логичная: один шприц вводится возле раны, один под кожу на спине, ниже лопатки. Или надо было в бедро? Глядишь, обойдется.

– Интересные инструменты, сын мой, – сестра Мария любопытно поглядывала на аптечку. – Никогда ничего подобного не видела.

– Сарацинские, – нашелся Гунтер. – Арабы – великие лекари.

– Хоть и язычники, – вздохнула монахиня. – У нас в обители хранится книга переводов благороднейшего Авиценны, но даже он не упоминал о таких... таких пузырьках с иглами.

– Последнее изобретение, – проворчал германец, захлопывая крышку аптечки. – Беренгария, вы устали?

– Ничуть, – отреклась наваррская принцесса. – Я отлично выпалась днем, делать все равно нечего.

– Как только очнется, – Гунтер глянул на Казакова, – вливайте в него как можно больше жидкости. Святые сестры, кроме вина, в монастыре есть еще что-нибудь попить?

– Виноградный сок, – быстро ответила Мария, а Клара Болонская робко дополнила:

– Настои разные... Облепиха, мята, чабрец... Я схожу к сестре травнице. В госпитале монастыря уже полтора десятка раненых, травница варит составы непрерывно. Мы рады будем помочь благородному шевалье.

– Отлично, – кивнул Гунтер. – Я приду после рассвета, если ничего особого не случится. Сэр Мишель остался на Северной башне, я за него беспокоюсь.

– Вы... Вы меня бросаете одну? – наклонила голову принцесса.

– Ничего подобного. Сестры Мария и Клара не покинут вас, так ведь?

Монахини дружно кивнули.

– Если боитесь остаться без защиты... Кстати, ваше высочество, а почему ушел мессир Ангерран де Фуа? Ах, у него дела в городе? Очень благородно... Не беспокойтесь, если англичане прорвутся в Мессину, вы под защитой святой Матери-Церкви и, кроме того, вы невеста Ричарда.

– Ричарда, – вкрадчиво сказала Беренгария, и взгляд принцессы стал откровенно злобным, – вскоре ждет ба-альшая неприятность... Аббатиса Ромуальдина вчера беседовала со святейшим Папой. Английскому королю дано три дня для того, чтобы он одумался. Затем наш пресвятой отец Климент будет вынужден отлучить его от Церкви...

– Не уверен, что мы продержимся три дня, – мрачно сказал Гунтер и, слегка поклонившись принцессе, шагнул к выходу из покоев, предоставленных монастырем вдовствующей королеве Элеоноре и дочери наваррского венценосца Санчо Мудрого. – Не прощаюсь, ваше высочество. Надеюсь, утром появиться вместе с живым и невредимым сэром Мишелем.

На дворе стояла почти непроглядная темнота – только что отзвонили хвалитны. Гунтерова лошадь скучно топталась в полном одиночестве у коновязи и тихонько взвизгнула, когда подошел хозяин. Германец проверил оружие: неудобный и почти бесполезный во время штурма стены меч, кинжал в деревянных ножнах, другой нож за голенищем мягкого сапога. В сохранившейся с *прежних* времен черной кобуре, прицепленной к поясу, полностью заряженный «Вальтер» и двойной запас патронов... Конечно, открывать стрельбу из пистолета огнюдь не следует, но, например, когда на тебя прет сумасшедший англосакс, прорвавшийся на башню, остается только отослать ему пулю в лицо. Спасибо Господу, что никто не заметил хлопнувшего посреди общего гама и неразберихи боя выстрела – точно обвинили бы в колдовстве...

Итак, если верить Беренгарии, находящийся в осажденном городе Папа Римский дал Ричарду три дня и не нарушит слова – понтифик не имеет права отступаться от своего обещания. За это время Львиное Сердце вполне может как взять столицу Сицилии, так и договориться с Танкредом о выкупе или возвращении наследства Иоанны. Три дня... По здешним традициям, даты меняются не в полночь, а с рассветом. Следовательно, английской король огребет полновесный интердикт колоколом, свечой и книгой рано утром 12 октября, или, если придерживаться местной системы наименований, на день святого Серафима. Угроза серьезнейшая, что и говорить. От короля могут отвернуться даже самые верные вассалы, ибо никто не захочет губить бессмертную душу, армия взбунтуется, рыцари прекратят драться... Но весь день девятого, десятого и одиннадцатого числа Львиное Сердце может со спокойной душой

совершать подвиги, махать мечом (Казаков, между прочим, почему-то оскорбительно именовал благородное дворянское оружие «ковыряльником») и продолжать осаду.

Гунтер, когда глаза попривыкли к ночному мраку, забрался в седло и отправился в город – в монастыре германца уже знали и ворота открыли беспрепятственно. Оставалось снова вернуться к Северной башне (штурм наверняка утих с наступлением глубокой ночи), разыскать Мишеля, притащить его в монастырь и решить, что делать дальше.

Ибо впредь такое безобразие продолжаться не может.

* * *

По любым стандартам будущего – Мессина довольно маленький город, населенный едва ли полным десятком тысяч людей. От центра, где располагались кафедральный собор святого Сальватора, главнейшие монастыри, командорство Ордена Храма и неперменный рынок, до укрепленной стены пешком можно пройти за полчаса, на лошади – за десять минут. Цитадель Мессины, одновременно являвшаяся королевской резиденцией, находилась в самом городе, однако была вынесена на узкий и длинный мыс, вдававшийся в залив. Таким образом, Ричарду следовало вначале прорваться в Мессину через стены, миновать улицы (где ему отнюдь не будут рады), а уж затем попытаться взять замок Танкреда. С суши к замку ведет одна-единственная дорога, полоса земли между цитаделью и волнами Тирренского моря завалена громадными булыжниками так, что любой высаженный десант в лучшем случае отделается переломанными ногами, а в худшем – будет перебит устроившимися на башне лучниками. Можно оборониться еще проще – корзинку с камнями на головы врага, и никаких тебе забот.

Ричард владел единственным преимуществом – флотом. В трюмы кораблей еще в Марселе погрузили метательные машины, но увы, катапульты, баллисты, требюше и прочие приспособления средневековой артиллерии перевозились в разобранном состоянии, дабы не загромождать палубы. Собирали онагры непосредственно на месте боевых действий. Конечно, для защиты от мавританских пиратов возле бортов стояли смахивающие на громадные арбалеты деревянные баллисты, но использовать таковые против крепости – то же самое, что бить тростинкой латного рыцаря.

Львиное Сердце, великий воитель на суше, но никакой адмирал, приказал быстро собрать на нескольких кораблях мощные орудия и начать обстрел замка с моря. В этом деле король Англии не преуспел. Получилось только хуже.

Штурмовая баллиста весьма тяжела, катапульта тоже. В случае с первым механизмом приходится подвозить с берега бревна для метания, ибо никто не возит с собой запас таковых. С катапультой полегче – она может использовать в качестве снарядов как камни, так и горшки со смолой или греческим огнем, но опять же оговорка: греческий огонь – удовольствие дорогое и редкое, а у Ричарда не хватало денег, чтобы купить его у византийцев. Впрочем, ромейскую зажигательную смесь ни один имеющий хоть каплю рассудка подданный базилевса Андроника франкам так и так не продал бы. Не по их уму игрушка.

На третий день осады десяток нефов английского короля подошли поближе к замку короны и начали обстрел. Вначале все шло хорошо, за исключением нескольких досадных недоразумений. Первый корабль незамедлительно сел на искусственную мель под крепостью, да так там и остался. Сарацины в подобных случаях обычно высылали лодки для промера глубин, но Ричард такой мелочью не озаботился. Затем начался процесс пристрелки и один из выбившихся вперед нефов накрыло залпом камней. Результатом стали переломанная мачта, разорванные снасти и полдесяток убитых. Следует также добавить, что в момент выстрела громадной катапульты имела место довольно сильная отдача, а если на палубе их размещено три или четыре штуки, прицел непременно сбивался, а корабль начинало изрядно раскачивать.

Разумеется, норманны Танкреда не собирались благосклонно созерцать флотоводческие эволюции противника под собственными стенами и начали огрызаться. Получилось зажечь два корабля, которые полный вечер грустно догорали на мелководье. Но в целом Львиное Сердце успел немного повредить замок и нанести сицилийцам определенный урон.

Следующим утром началась сушая комедия.

Герцог Вильгельм Йоркский, которого Ричард поставил командовать военно-морской операцией, продолжил успешно начатое дело, однако к полудню на судах практически иссяк запас снарядов для катапульт. Подвозить булыжники с берега долго и неудобно. Его светлость не додумался ни до чего лучшего, как забрать из трюмов камни для балласта, утверждая, что с кораблем ничего не сделается. Залп, второй, третий... Команда бежит между трюмом и палубой, таская булыжники. Пятый залп. С крепости сбито знамя Танкреда и разрушено несколько зубцов, рыцари торжественно кричат славу своему королю, а судно раскачивается все сильнее. После шестого выстрела неф не выдержал столь хамского обращения и торжественно перевернулся. То же самое произошло еще с тремя кораблями ричардова флота, где вовремя не сообразили прекратить стрельбу драгоценным балластом.

В длинном списке долгов Ричарда появилось несколько новых статей, ибо суда принадлежали не Англии, а генуэзскому торговому союзу.

На сем действия на море пришлось прекратить и флот отошел к соседней гавани под неприличные выкрики и громовой хохот понимающих моряков – сицилийцев.

Ричард Львиное Сердце взъярился окончательно. Было проведено два штурма днем, которые норманны благополучно и с небольшими потерями отбили, а в ночь с восьмого на девятое октября англичане предприняли ночную вылазку крупными силами. Основной удар пришелся на северный участок стен Мессины, как раз там, где держали оборону *mafiosi* из семейства де Алькамо.

Гунтер вернулся к башне к моменту передышки. Англичане только лениво постреливали снизу, не видя определенной цели – просто напоминали, что они еще здесь и уходить не собираются.

К счастью, доселе обходилось без горшков со смолой, ибо даже Ричард понимал, что если Мессина загорится, город превратится в груды головешек – большинство домов деревянные, строения из камня только в центре. Во-первых, захваченную Мессину можно запросто пограбить, а огонь сожрет все ценности; во-вторых, в городе находились весьма важные персоны – Папа Климент с несколькими кардиналами и епископами, блюдущие строгий нейтралитет французские дворяне во главе с королем (впрочем, Филипп-Август благополучно отсиживался на своем паруснике и только невинно развлекался, изредка постреливая из лука в английских гребцов, находившихся в пределах досягаемости). И, наконец, в монастыре святой Цецилии оставалась невеста Ричарда – наваррская принцесса Беренгария.

– Как там Серж? – сэр Мишель обнаружился почти сразу. Рыцарь отдыхал вместе с многочисленным дворянским семейством де Алькамо в освободившейся башне – монахи успели перевезти раненых в свою обитель на телегах. Светлые волосы Фармера растрепались и потемнели от пота, но выглядел сэр Мишель вполне удовлетворенно. Ричарда он не любил из-за весьма старой истории, связанной с обстоятельствами кончины короля Генриха, случившейся в Нормандии, и предпочитал оправдывать свое отношение к молодому правителю Англии словами одного из неписаных законов: «Вассал моего вассала не мой вассал». Следовательно, сюзерен моего сюзерена – не мой сюзерен. Бароны де Фармер приносили оммаж² герцогу Нормандскому, а отнюдь не его господину, британскому монарху.

– Пока живой, – мрачно ответил Гунтер, усаживаясь рядом. – Чего у вас плохого?

² Оммаж – вассальная присяга.

– Так сразу и плохого! – едва не обиделся сэр Мишель. – Когда ты и Серж уехали, отряд Алькамо покидал англичан со стены и они немного утомонились. Похоже, к утру снова полезут. Гильома очень жалко...

– Я дал обет, – скрежещущим голосом сообщил слышавший разговор мессир Роже, – убить десятерых англичан за смерть брата. И намереваюсь сделать это сегодня же!

– Будет новый штурм – исполните, – вяло пожал плечами Гунтер. Если уж сицилиец, а тем более норманн, решил отомстить, то он погибнет, а слово сдержит. Конечно, традиции мести существовали всегда и везде, но потомки скандинавов, осевшие на островах Средиземного моря, довели ее до логического завершения в соответствии с древними уложениями – кровная месть категорически не одобрялась Церковью, но голос норманнской крови звучал сильнее запретов. Кому-то из подданных Ричарда сегодня не светит ничего хорошего.

– Обойдемся без штурма, – жестко сказал сицилиец. – Оборонять башню останется mafia семьи Адрано, а я со своими родственниками собираюсь устроить вылазку.

– Ворота завалены, – напомнил сэр Мишель. – Конечно, можно спуститься со стены на веревках... Или подземный ход?

– Подземный ход, – подтвердил Роже и сплюнул кровью – во время боя ему весьма неудачно выбили почти все зубы справа. – Здесь неподалеку. Выводит на побережье, шагах в двухстах от границы английского лагеря. Шевалье, я приглашаю вас и вашего оруженосца. Не откажете?

У Гунтера сложилось впечатление, будто его и сэра Мишеля зовут на романтическую прогулку под сенью цветущих яблонь, а не на самоубийственное предприятие. Как же, простите, это будет выглядеть? Полтора-два десятка вооруженных людей появляются в многотысячном становище Львиного Сердца, убивают всех, кто попадает под руку и портят все, что только возможно, а затем героически погибают во славу незнамо чего? Однако Роже явно не желает собственной гибели, значит, будет действовать по старому доброму принципу: наделать как можно больше шума, навести панику, прихватить с собой какую-нибудь важную персону (выкуп – дело святое) и под шумок смыться. Опасно, но вполне выполнимо.

Пока Роже де Алькамо созывал своих, Гунтер раздумывал. Судя по тщательно изученным в двадцатом веке историческим хроникам, Ричард захватил Мессину, проникнув в город по подземному ходу и открыв ворота. По разным версиям, его сопровождали от одного до десятка рыцарей, однако нигде не сообщалось, кем конкретно были эти люди и откуда Львиное Сердце узнал про подземный ход. Вроде бы такие сооружения, если выражаться понятным языком, являются стратегическими объектами и их местоположение должно храниться в строжайшем секрете. Отсюда вывод: либо имелся перебежчик, посвященный в тайны Мессины, либо англичане изловили кого-то из местных и долго макали в бочку с водой ради получения надлежащих сведений.

А что, если перехватить инициативу? В реальной истории Ричард так и не дождался церковного отлучения, значит, взял Мессину до 12 октября. Еще можно успеть!

– Мишель! Мишель, послушай меня!

Рыцарь повернулся.

– Ты собираешься пойти? Лучше оставайся, если не умеешь обращаться с мечом.

– Да я не о том! – стремительно заговорил Гунтер. – Есть одна очень интересная мысль...

Сын барона де Фармер, выслушав сбивчивый рассказ германца, сообразил удивительно быстро. Авантюра предстояла самая захватывающая и, если дело выгорит, можно надеяться буквально на ошеломляющий успех. Вскоре сэр Мишель позвал Роже и тот только расплылся в зверской улыбке, представив себе перспективу.

– Раньеро! – Роже подозвал одного из своих громил, который вроде бы приходился ему племянником. – Вот что. Живо беги в замок, добейся встречи с Танкредом. Пусть король приезжает сюда. Скажешь ему, что семья де Алькамо намеревается сделать своему государю отлич-

ный подарок, и, если он пожелает принять участие в веселье, пускай ждет с двумя десятками дворян возле ворот святой Терезии. Шевалье де Фармер, сколько времени может занять ваш поход?

– Ну... – замылся сэр Мишель. – Пока туда, пока сюда... Пока найдем Ричарда, пока поговорим с Элеонорой... Точно после рассвета, а может быть, и завтра ночью или утром.

– Такие дела на скорую руку не делаются, – подал голос Гунтер. – Но мы очень постараемся. А Танкреда предупредить – отличная мысль, мессир Роже. Если король не придет сам, то пусть хотя бы пришлет сильный отряд.

– Раньеро! – рывкнул Алькамо-старший. – Чего стоишь, балда? В замок! Одна нога там, другая тоже там!

Племянничек бегом вылетел наружу, а вскоре стукнули по деревянному настилу мостовой подковы торопящейся лошади.

– Господа, все готовы? – Роже внимательно осмотрел свой небольшой отряд. Четырнадцать *mafiosi* в кольчугах, но без плащей с гербами – чтобы не отличили сразу. Мишель де Фармер с Гунтером. Разумеется, и сам Роже.

– Мессир фон Райхерт, – сицилиец недоуменно глянул на Гунтера, отстегивающего перевязь с мечом. – Вы собираетесь душить англичан голыми руками?

– Отчего же руками? – кровожадным шепотом ответил германец. – У меня с собой удавка. Не беспокойтесь, сударь. Мое оружие особенное...

Найти подземную галерею оказалось проще простого. Начиналась она в подвале стоящей ближе к морю соседней башни. Попросил разрешения у командира здешнего отряда (разумеется, он доводился каким-то дальним родственником Алькамо), откинул деревянную крышку, за которой скрывалась крутая, уводящая в темноту лестница, зажег факелы – и вперед.

Романтические подробности из романов Вальтера Скотта наподобие капающей с потолка воды, паутиной завесы, воющих призраков и скелетов неудачливых беглецов отсутствовали напрочь. Тоннель являл собой абсолютно сухой, выстланный песком широкий проход, сделанный со всем тщанием и старательностью. Такие галереи можно встретить в любом замке, разве что здесь она проходит не внутри крупного строения, а под мессинской стеной и каменистым берегом острова. Гунтер еще раз убедился, что обитатели Средневековья – люди очень предусмотрительные и большие любители удобств: пыльно, конечно, но выкрошившиеся кирпичи недавно заменены, заржавевшие кольца для факелов на месте, а кто-то из строителей даже выцарапал по мягкому известняку сакральную надпись на норманно-латинском: «Лотарио – прелюбодей». В целом «стратегический объект» содержался в совершеннейшем порядке.

Отряд, по гунтеровым подсчетам, миновал расстояние, превышающее триста метров, когда двигавшийся впереди Роже легко сдвинул небольшую дверцу, покрашенную темной краской. Ход выводил на склон, плавно спускавшийся к морю, и отлично маскировался зарослями высоченной полыни и опутавшим камни побережья выюном.

– Мы идем правее, – начал командовать Роже. – К лагерю. Поднимаем шум. Шевалье де Фармер, вы со своим оруженосцем, едва начнется драка, бежите к палаткам слева и во весь голос орете: «Сицилийцы! К оружию! Тревога!» и все, что в голову взбредет.

– Я не могу покинуть вас в момент смертельной опасности, – напыжился рыцарь, а Гунтер только вздохнул. У сэра Мишеля полезли наружу его комплексы благородного шевалье. Сейчас он наплюет на приказ мессира де Алькамо и начнет геройствовать.

– Вы ничуть нас не покидаете, – уловив в голосе Фармера раздраженные нотки, умиротворяюще сказал Роже. – Просто вы, сударь, будете сражаться на другой линии, куда более важной, чем наша. Ступайте к герцогине Аквитанской, объясните ей все, а сегодня днем или завтра утром и вам выдастся случай показать, что семья Фармеров носит оружие не просто ради украшения. Господин фон Райхерт, вы запомнили, где подземный ход? Видите ориентиры? Три валуна выстроились в пирамиду, засохшая олива и остов лодки на берегу.

– Запомнил, – германец хмуро осмотрел местность, отлично сознавая, что ночью пейзаж выглядит совсем по-другому, нежели днем. Роже молча развернулся, указал своим направление и исчез в темноте.

Если бы к лагерю английского войска сейчас подошла сарацинская армия под водительством Салах-ад-Дина, ее все равно никто бы не заметил. Караулы не выставлены, охрана по периметру отсутствует, наблюдателей нет... Большинство солдат либо собрались у стены города, готовятся к новому натиску, либо спят или отдыхают возле костров. Никто не ожидает нападения – французы в конфликт не вмешиваются, а практически все войско короля Танкреда Гискара сидит за укреплениями Мессины. Именно благодаря беспечности как благородных рыцарей, так и простых копейщиков да лучников, Роже де Алькамо сумел незамеченным пройти почти к середине палаточного городка, запустить факел в роскошный шатер, принадлежавший графу Анжуйскому, и начать выполнять свой обет мести. Гунтер, оценивая потом события со своей точки зрения, пришел к выводу: половину войска Ричарда Львиное Сердце можно было запросто вырезать этой же ночью. Интересно, как крестоносцы собираются воевать в Палестине, где любой араб-фанатик, прокрадывшийся в христианский стан, запросто сумеет перебить все верховное командование и исчезнуть незамеченным?

Паника поднялась великолепная. Вспыхнули несколько шатров у северо-западной окраины лагеря, сицилийцы подбадривали себя воплями на непонятном для жителей Британии норманно-латинском, убивали всех, кто встретился на пути и вообще создали впечатление, будто англичан атаковала дружина численностью не меньше полутора сотен человек. Неразбериха привела к тому, что некоторые подданные Ричарда, не рассмотрев в колеблющемся свете огней своих, нападали на лучников из Йоркшира, те, в свою очередь, палили в темноту, поражая аквитанцев, корнуольское рыцарское ополчение бросилось резать принятых за врага полуодетых нормандцев... Алькамо со своими *mafiosi* то молниеносно отступал в тыл, под тень окружавших лагерь сосен, то огрызался быстрыми вылазками.

– Что происходит? – напрямиком на сэра Мишеля выскочил английский рыцарь в неразборчивым гербом на тунике. Говорил он, как и большинство норманнских дворян, на языке материка.

– Сицилийцы! – заучено провозгласил Фармер. – Нужно предупредить короля!

– Вероломное нападение, – дополнил Гунтер и обескураженный англичанин убежал куда-то в сторону. Германец дернул сэра Мишеля за рукав кольчуги:

– Пошли искать Элеонору. Свою долю паники мы внесли, пора и делом заняться. Надеюсь, Роже успеет отступить.

– Еще как успеет, – подтвердил сэр Мишель. – Они же по-умному сделали. Ночь, темно, не разберешься, где враг, а где друг... Эй, сударь!

Высочивший из ближайшей палатки отважный воитель, имевший при себе только белые льняные штаны и обнаженный меч, отшатнулся.

– Мы французы, под знаменем Филиппа Капетинга, – соврал Фармер. – По поручению короля! Где добрый друг и союзник нашего монарха, Ричард Плантагенет?

Ответ был прямой, но несколько обескураживающий:

– А хрен его знает, шевалье... Что происходит?

– На Сицилию высадилось войско сарацин египетского султана, – любезно просветил Гунтер. – Они уже взяли город, пленили Филиппа-Августа и зарезали святейшего Папу. Поспешите, шевалье, надо защищаться!

В ответ последовал густой поток самых вычурных ругательств, произнесенных почему-то не на благородном норманно-французском, а на саксонском. Потомки дворян, пришедших в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем, предпочитали наречие материка, однако с удивительной легкостью перенимали у местного населения фразы с ярко выраженным биологическим подтекстом. Немецкий язык сохранил множество корней саксонского и Гунтер понял

приблизительный смысл сего речения, но, как потом не пытался воспроизвести, ничего из этой затеи не вышло.

– Воображаю, какие поползут слухи, – сокрушенно покачивая головой, бормотал сэр Мишель. – И сицилийцы, и Саладин... Ага, посмотри-ка вперед! На холмике!

– Что на холмике? – прищурился Гунтер. – Вижу знамена, но гербы не рассмотреть. Ричард экономит на факелах.

– Пошли, – махнул рукой Фармер. – На возвышении обычно ставятся шатры государей.

Здесь присутствовала хоть какая-то организация. Холм окружала плотная цепь военных, королевская гвардия, среди которой замечались странные силуэты – вроде бы мужчины, но не в штанах, а в юбках. Точнее, в пледах, а еще точнее – в тартах. Охрана шотландского принца Эдварда.

– Кто идет? – громко спросили сверху.

– Шевалье Мишель де Фармер из Нормандии и его благородный оруженосец Гунтер фон Райхерт из Священной Римской империи, – напрягаясь, выкрикнул в ответ германец, прекрасно зная, что оруженосец должен одновременно исполнять при сюзерене и обязанности герольда. – Срочное послание к ее величеству Элеоноре Пуату!

Спустился гвардейский сержант. Оружие изымать не стал, но, кликнув нескольких подчиненных, взял странных вестников под непрестанную опеку, спросив заодно:

– Шевалье, вы уверены, что в такой поздний час королева Элеонора вас примет? И вообще, я не помню вашего лица.

– Доложите ее величеству, – упрямо ответил сэр Мишель. – Если нужно, разбудите. Полагаю, Элеонора Пуату давно проснулась, услышав, что на лагерь произошло нападение.

Фармер повернулся и величественным жестом обвел рукой открывавшийся с холма пейзаж. Возле границ лагеря полыхали шатры, доносились громкие возгласы, кое-где раздавался шум схватки.

...Десятник знал свои обязанности и все-таки не оставил визитеров дожидаться утра. Мишеля и Гунтера приняли немедленно. Обоих дворян под тщательной охраной проводили к четырехугольной островерхой палатке белого сукна с вышитыми на стенках золотыми леопардами Плантагенетов, и разрешили войти.

Элеонора Аквитанская ничуть не изменилась за последние дни. Королева-мать по-прежнему вежлива, доброжелательна, сжимает пальчиками правой руки непрменный серебряный стаканчик с легким вином. Не будь столь необычной обстановки, розовощекую толстенькую старушку можно принять за ушедшую на покой вдову процветающего купца. Тем более, что облачена Элеонора в льняной чепец и беспредельно огромную шелковую ночную рубашку с фландрийскими кружевами, поверх которой накинута войлочная плащ.

– Не ждала... Но все равно рада, что вы пришли, господин де Фармер, – без излишних приветствий сказала Элеонора сэру Мишелю, едва тот появился на пороге и преклонил колено. – Надеюсь, с Беренгарией все в порядке? А где же мессир Серж?

– Ее королевское высочество, – быстро выговорил рыцарь, подчиняясь жесту Элеоноры и поднимаясь, – осталась в монастыре святой Цецилии. Мне жаль огорчать вас, государыня, но мой второй оруженосец ранен во время штурма, случившегося сегодня в полночь и остался в обители под присмотром добрых бенедиктинок. Мы пришли к вам за советом...

– Вино в кувшине, – просто ответила Элеонора. – Возьмите сами. Присесть можете на мою постель. И поторопитесь с рассказом, шевалье. В последние дни мне кажется, будто время невероятно коротко.

Люди и маски – I

О том, каковы слуги у Элеоноры Аквитанской

Королева-мать Элеонора Пуату сидела за перепиской, ибо больше заняться ей было нечем. Давно начало темнеть, Ричард убрался совершать подвиги, вернуться в Мессину, к Беренгарию, невозможно, в лагере короля царит непринужденный хаос (у шотландцев опять что-то празднуют и орут), а время ужина давно вышло. Более всего Элеонору раздражала пища, приготовляемая для двора Ричарда. Суровые условия военного лагеря и неприязнательность самого короля свели все возможные кулинарные изыски до минимума. Вареное или плохо прожаренное мясо, жесткий хлеб, пресная лапша из полосок нарезанного теста и дешевое вино (у герцогов, правда, подороже, ибо Йорк, принц Эдвард Шотландский или Анри Бургундский имеют неплохой доход со своих владений, а Ричард давно все промотал). Элеонора уже начала подумывать, не нанести ли визит кому-либо из многочисленных родственников, чтобы нормально пообедать. Просто слюнки текли при воспоминаниях о трапезной монастыря святой Цецилии.

Любая армия, особенно действующая за пределами своего государства, всегда сопровождается изрядным канцелярским обозом и вихрем бюрократии. На особых повозках, в ящиках, многочисленных шкатулках и тубусах хранятся самые разные документы – счета от купеческих домов за фураж и продовольствие для людей, за упряжь, оружие, животных. Громоздятся штабели переписки с метрополией, письма от королевских управителей провинций (Англия – королевство большое, простершееся от суровой Шотландии до Лангедока, а, значит, приходит множество депеш), закладные письма, долговые расписки, карты и планы местностей, доносы верноподданных друг на друга; отдельно путешествует внушительный сундук с папскими буллами и воззваниями, в другом копятся отчеты сборщиков налогов... и так далее почти до бесконечности.

Первым человеком, заведшим в Англии настоящую канцелярию и упорядочившим бумажные дела страны, стал канцлер Томас Бекет. Только за одно это дело его можно смело причислять к лику святых – создать практически на пустом месте особую государственную службу, которой подконтрольна любая грань жизни государства? Это подвиг. Но у любой монеты всегда две стороны. Святой Томас в начале правления Старого Гарри учредил идеальный управленческий аппарат, который затем, как водится, погреб своих создателей в море бумаг и теперь каждое действие правителей королевства вызывало нескончаемый поток пергаментов и головную боль у королевских гонцов (последнее утверждение не совсем истинно, ибо болит у гонцов как раз не голова, а место прямо противоположное – попробуйте-ка провести в седле несколько дней подряд, доставив спешное сообщение, допустим, из Ангулема в Рим! Голова раскалывается у ученых мэтров из канцелярии, которым приходится разбираться с водопадом свитков).

Ричард перепиской не занимался принципиально, предпочитая не глядя подписывать бумаги, подаваемые на одобрение монарху и больше ни о чем не задумываясь. Элеонора Пуату только грустно головой качала, зная о нерадении сына к делам управления страной – неудивительно, что Уильям де Лоншан нагрел короля больше чем на миллион, а все остальные поживились на Крестовом походе не хуже хорьков в курятнике.

Походной канцелярией короля руководил несчастный молодой монах ордена святого Бенедикта. Парня вполне можно было назвать великомучеником: ему приходилось в отсутствие монарха самостоятельно принимать решения на свой страх и риск, а Ричард отсутствовал

почти постоянно. Королева-мать ужаснулась, узнав, что бюрократией короля заведует захламленный монашек, наверняка попавший на эту должность только по протекции родственников и потому, что он умеет хорошо читать и писать. Элеонора решила хотя бы на время взять дела сына в свои руки и полный день сидела за разбором документов. Единственной ее мыслью было: «Как все запущено!...»

– Господь всемогущий! – восклицала аквитанка, складывая в отдельную стопку счета. – Долгов почти на миллион! Тамплиеры, генуэзцы, Милан, Монферрато... Если так пойдет дальше, придется продать Англию ломбардцам, чтобы расплатиться! А это что?

– Вексель его величества, – безнадежно доложил монашек по имени Антоний Шрусберийский. – На четыре тысячи ливров за аренду кораблей у торгового флота Генуи. Должно быть оплачено через два дня, а затем итальянцы станут начислять одну пятнадцатую долю долга за каждую седмицу просрочки...

Элеонора бросила на Антония убийственный взгляд, явно подавляя желание скомкать вексель и выкинуть подальше. Жалко монаха, он-то здесь совершенно не при чем. Бедолага Антоний сам страдает – ему приходится выслушивать все претензии, валящиеся на Ричарда со стороны кредиторов. То-то такой бледный вид и круги под глазами: общение с эмоциональными итальянцами и суровыми тамплиерами, требующими назад свои деньги, кого угодно сведет в могилу в раннем возрасте.

– Вам нужно отдохнуть, святой брат, – сказала королева-мать Антонию. – Почти все счета я разобрала. Есть что-нибудь с печатью трех леопардов?

Три леопарда на красной печати, коей украшалось письмо, обозначали секретную королевскую переписку, ведущуюся между венценосцем, его канцлером, архиепископом Кентерберии и Йорка, а также наместниками провинций.

– Извольте, – вздохнул бенедектинец и почесал давно не бритую тонзуру. – Четыре письма. От его высокопреосвященства архиепископа Годфри де Клиффорда, от принца Джона и две депеши, адресованные лично вашему величеству. Четвертое какое-то странное – печать леопардов присутствует, однако послание отправлено вначале в Неаполь и только вчера переслано сюда. Подписи нет. А вскрывать печать я не имею права, государыня.

– Давайте сюда, – монах протянул Элеоноре все четыре письма секретной почты и посмотрел тоскливо-выжидающе. Антонию безумно хотелось заснуть и больше никогда не видеть никаких пергаментов. Называется, поверил старшему брату, шерифу города Шрусберии, который сумел устроить возлюбленного родственника в королевскую канцелярию. Сделал карьеру, покорнейше благодарствуем. Королева ободряюще взглянула на Антония и добавила: – Святой брат, ступайте отдыхать. Далее я разберусь сама.

Таинственное четвертое письмо лежало как раз сверху. Недорогой сероватый пергамент, печать со знаком королевской власти, а возле хвоста третьего леопарда стоит малоприметная четырехконечная звездочка. Значит, депешу прислал один из доверенных людей Элеоноры Пуату или епископа Годфри Клиффорда.

– Посмотрим... – королева поставила поближе масляную лампу и сорвала ногтями воск, предварительно изучив витиеватую размашистую надпись на сложенном в несколько раз листе: *«Ее величеству вдовствующей королеве Англии, великой герцогине Аквитанской, герцогине Анжус-Ангулемской Элеоноре Пуату в город Неаполь, что в королевстве Обеих Сицилий, отдать настоятелю монастыря святого Николая, дабы тот вручил по назначению. Дано в доменном владении королевы, городе Пуату, 17 сентября 1189 года по Р.Х.»*.

Королева, узнав знакомую руку, сердито ахнула:

– Данни, мерзавец! Пропавшая душа! Сукин сын! Он мне тут куртуазные письма посылать будет! Выучили дикаря держать перо в руках!

Она быстро развернула хрустнувший лист и буквально впилась глазами в строчки. Сообщений от человека, которого она считала искренне преданным ей самой и нескольким ближай-

шим друзьям наподобие графа Конрада Монферратского, Элеонора ждала далеко не первую неделю.

«Мадам Элинор!..

– Хорошо хоть не написал «Моя дорогая Элинор», – буркнула королева, прочтя первую строчку. – Или «дражайшая матушка»... *Scottin bastarde!*³

...Полагаю, когда вы прочтете эту бумагу, вам уже станет известно о безвременной кончине нашего общего друга и моего покровителя. Какая жалость, мадам – благодетель удушен на виселице Дуврской гавани, где обычно вешают пиратов и злодеев короны. Наследство покойного частично осталось при мне, но увы – я не ваш подданный и постараюсь распорядиться им по своему усмотрению. Думаю, ценности будет надежнее передать кому-либо из наших друзей, живущих, к примеру, далеко на востоке. Прошу поверить, что ни один изумруд из коллекции висельника не пропадет напрасно и послужит нам всем на благо. Не подозревайте меня в воровстве: наследство принадлежит не только вам. Скорее, всем и никому одновременно.

Возможно, к средним или последним дням месяца ноября я сумею улучшить краткий миг, дабы узреть вас в Неаполе, если, конечно, ваше величество соизволит в надлежащее время посетить сей богоспасаемый град. Место, где мы можем увидеться, вам прекрасно известно, и да благословит Господь святого Николая.

Берегитесь ромеев, моя королева. Ромеи – как раз те, про кого сказано: „Опасайтесь дары приносящих“. Базилевс бросил кости на стол и я до сих пор не вижу, выбил он двух коней⁴ или нет.

Мадам Элинор, я всегда пребуду с вами. В мыслях. А порой в действиях. *Данни*».

– Каков негодяй! – воскликнула Элеонора, и было не понять, возмущена она или умиляется. – Так, а что в письме от Ральфа?

Вторая депеша оказалась не в пример короче и написана посуше:

«Сим сообщаю, что бумаги вывезены греками. Есть опасность, что они попадут в руки базилевса. Известному вам человеку не в штанах, а в юбке более не доверяйте. Попробую что-нибудь предпринять. *Ральф Джейль*».

Повод всерьез задуматься. Элеонора машинально потянулась к кубку со своим любимым кислым белым вином, отпила, вытерла платочком подбородок и совсем было вздумала откинуться на спинку сиденья, но вспомнила, что она не в монастыре, где для гостей существуют достаточные удобства, а в походном шатре. На складных сарацинских стульчиках из кедра и парусины спинки, к сожалению, отсутствовали.

Дело принимало весьма странный и тревожный оборот. Архив канцлера де Лоншана (которого Элеонора не без оснований не считала помешанным на деньгах скрягой, но авантюристом высочайшего пошиба, способного заглянуть в будущее) представлял величайшую ценность. Где там рыцарям-храмовникам с их векселями! Лоншан отнюдь не собирал компрометирующую самых высших дворян любовную переписку или досужие сплетни аристократов Европы друг о друге. Он поступил куда разумнее и предусмотрительнее – на украденные из

³ Шотландский ублюдок (*фр.*).

⁴ В Средневековье знакомые нам кости с цифровыми значениями на гранях не употреблялись, а стороны кубиков были украшены изображениями животных или птиц. «Два коня» – абсолютный выигрыш, две «шестерки».

казны деньги мэтр Уильям скупал долговые расписки, принадлежавшие королям, великим герцогам, клирикам, торговым домам Франции и Италии. Лоншан мог взять за бороду кого угодно – от герцога Анри Бургундского или графа Тулузы Раймунда до короля Дании или правителя Польши Казимира Справедливого. Люди покойного канцлера трудились по всей Европе, добывая векселя, доверенные письма, закладные...

Короли владеют землями, Церковь – душами, а Лоншан захотел править и королями, и Церковью. Почти что десятилетний доход английской казны, украденный канцлером, пошел на осуществление его замыслов. Закон есть закон, и в любом государстве по предъявленному неоплаченному долговому обязательству суд стряпчих обязан наказать должника, взяв с него надлежащую сумму или компенсировать кредитору потери в виде земельных владений, замков и любого имущества.

Но ведь вполне можно не доводить дело до суда, а просто прийти к неудачливому должнику или прислать доверенного человека и о чем-нибудь похатайствовать. О мелочи. Любозабыл. Скажем, отвести войско от границы, не быть в определенное время в определенном месте... или наоборот, быть. Попросить даровать лен. Похлопотать о должности для родственника. Посоветовать (только *посоветовать!*) захудалому королю какой-нибудь Норвегии или Венгрии жениться или не жениться на богатой принцессе или герцогине. Намекнуть некоему архиепископу, что твой личный враг – противник Церкви и подлежит строжайшему наказанию, если не отлучению... Можно позволить себе очень многое.

Архив Лоншана – это власть. Но где этот архив, во время августовской суматохи исчезнувший из Лондона?

Элеонора Пуату быстро просмотрела письма от Годфри и принца Джона. Два наместника Английского королевства в своих депешах ничего нового ей не сообщили. То же самое, что и в рассказах господина Мишеля де Фармера и его оруженосца, с легкой руки королевы облагодетельствованного нынешним днем баронством в Шотландии. Значит, благородные господа не солгали и не приукрасили. За это стоит вознаградить их дополнительно. Королева-мать ценила верных людей.

Но сейчас два преданнейших человека – Данни, еще известный как Дугал Мак-Лауд, и глава личной стражи Элеоноры Аквитанской, выполнявший некоторые особо конфиденциальные поручения королевы-матери, мессир Ральф Джейль (по приказу аквитанки он оставался в Англии и следил за Лоншаном последние месяцы) докладывали абсолютно взаимоисключающие вещи. Дугал-Данни утверждал, будто часть архива у него и он собирается отправить ее «на восток», то есть Конраду Монферратскому, а другой заявлял: не доверяйте Данни, он продался византийцам.

Что прикажете делать?

Элеонора, разумеется, не оказалась бы заполучить драгоценный архив в свои руки, но, если он уйдет к тирскому владельцу Конраду, ничего страшного не случится. Обидно, правда, ибо делиться властью не хочется никому и никогда, но, в конце концов, Монферрат и английская королева трудились ради одной цели и пока не видели поводов предавать друг друга.

Самое страшное произойдет в ином случае: если бумаги получит умнейший и склонный к невероятным авантюрам базилевс Византии Андроник Комнин, который, вдобавок, изрядно недолюбливает франков. Тогда весь *Замысел* может пойти насмарку и вовлеченным в дела Конрада Монферратского людям грозит масса неприятностей. В архиве среди прочего добра находились расписки самой Элеоноры и ее сыновей, Конрада и даже султана Саладина.

Кому же верить? Данни или Ральфу Джейлю? Ральф последние десять лет, которые Элеонора Пуату провела в заключении в замке Винчестер, оставался единственной ниточкой, связывавшей пожилую аквитанку со свободой и делал все ради того, чтобы находящаяся в тюрьме королева из-за коричневых винчестерских стен могла хоть как-то влиять на политику Европы.

Джейль заслуживает почти абсолютного доверия. Кроме одного «но». Ральф Джейль ненавидит шотландцев и лично Дугала.

А Дугал? Элеоноре нравились такие люди, как Дугал Мак-Лауд из Глен-Финнана. Скотт решителен, отважен и большой любитель подраться, но никогда не сунется в заварушку прежде, чем подумает. Элеонора знала, что Дугала лет десять назад отлично выдрессировали в Риме – в Конгрегации по чрезвычайным церковным делам, превратив туповатого молодого каледонского дикаря в великолепного бойца и образованного человека. Спасибо монсеньору кардиналу Пьетро Орсини, который делал ставку не на изнеженных итальянских дворянчиков, а именно на таких варваров, будь они с гор Шотландии или из фьордов Норвегии. Варвар, в отличие от испорченного Центральной и Южной Европой человека, трудится не за деньги, титулы или славу, а ради своей совести и преданности человеку, однажды его спасшего.

Однако и тут существует свое «но». Дугал непредсказуем. Два года назад шотландец поссорился с курией Папы Климента и новым кардиналом-префектом Конгрегации, и теперь находится в изрядных контрах с Римом. Прежде на него охотились в Англии, Дугалу хотят отомстить последние недобитки сектантов-вальденсов, еретики-богомилы, а также все, кому он успел насолить во время службы в особом куриальном ведомстве. Конечно, Дугал находится под высоким покровительством Элеоноры Аквитанской и маркграфа Конрада, но если ему однажды придет в голову, что ходить под дланью византийского базилевса надежнее?.. Он бесследно затеряется среди темных улочек Константинополя и поминай, как звали.

Элеонору настораживало одно: письмо Дугала казалось честным. Он не такой человек, чтобы лукавить и интриговать. Возжелай он переметнуться к ромеям, королева получила бы депешу, где нахальный скотт объяснился напрямую – мол, покорнейше простите, государыня, предпочитаю другого хозяина. А вот Ральф Джейль...

Королева-мать знала, что девять лет тому Дугал Мак-Лауд стал одним из зачинщиков шотландского мятежа, изрядно поколебавшего королевскую власть Лондона в Лоуленде, горах Грампиан и на северном побережье Острова. Мятеж начался с того, что скотты подняли восстание в Дингуолльском шерифстве Шотландии, взяли форт, а шерифа с семейством, включавшим жену, пятерых детей и стаю прислуги, то ли сожгли прямо в доме, то ли покидали в озеро. Единственным выжившим ребенком шерифа Дингуолла и был Ральф Джейль. Пятнадцатилетний мальчишка благодаря (между прочим!) приятелям-шотландцам его же возраста распустил волосы, заплетя их в шотландские косички, надел плед одного из нейтральных к англичанам кланов, на время укрылся у друзей, а потом бежал к родственникам в Ноттингамшир.

Джейль ничего не забыл. Не забыл, как по всему Дингуоллу – тогда еще маленькому форту, а не городку – тянуло паленым человеческим мясом и как потом вытаскивали из пепелища труп его отца, превратившийся в черную головешку. Не забыл торжествующего воя скотов, грохот обрушивающихся ворот и пепел горящих домов. И уж конечно, он навсегда сохранил в памяти имена тех, кто именно предводительствовал над мятежом: двое братьев, Дугал и Коннахт Мак-Лауды, и Керр Мак-Лейн.

Дугалу тогда было восемнадцать с лишним, Ральфу Джейлю едва исполнилось пятнадцать. Дугал отнюдь не терзался совестью, ибо считал себя правым и воевал за свои горы, а Ральф всегда хотел отомстить. Бунт вскоре подавили, зачинщиков схватили, суд короля Генриха II, проходивший в городе Ньюкасле, приговорил всех троих к смерти через повешение.

Кто бы знал, что любящая посмеяться судьба вновь сведет этих людей? Теперь попробуй догадайся – пытается Ральф свести счеты с убийцей своей семьи или... Или Мак-Лауд, всегда исполнявший приказы, но так, чтобы сберечь свою драгоценную голову, решил подстраховаться и счел, что император Андроник Комнин станет для него отличной защитой от Конгрегации и английских законов?

Дальнейшая история Дугала выглядела незамысловатой и одновременно крайне запутанной. Сбежав от виселицы (жизнью заплатили двое его сподвижников – родной брат Коннахт и

Керр, происходивший родом из соседнего клана), он понял, что возвращаться домой, в Глен-Финнан, не имеет смысла, ибо первый же отряд англичан вздернет его на первом попавшемся суку. Мак-Лауд перебрался на материк – с погоней на хвосте, ничего не зная о жизни вне Острова, и, не найдя лучшего выхода, попросил убежища в одном из руанских монастырей. Человека, находящегося под защитой Церкви, никто не имел права тронуть в течение месяца и еще десяти дней.

Что произошло за эти сорок дней – тайна. Элеонора подозревала, что отец-настоятель монастыря тайно переправил Дугала далее вглубь Франции, потом он оказался в Риме... Королева, дружившая с маркграфом Конрадом Монферратским и близко знавшаяся с молодым кардиналом Орсини, ее глазами и ушами в римской курии, узнала от них обрывки истории человека, редко называвшего свое настоящее имя и предпочитавшего отзываться на прозвище «Данни». Так на гэльском наречии именовали существ, отчасти похожих на домовых, но обитавших в горных лесах и не отличавшихся добротой характера.

Кардинал Пьетро Орсини не потруился рассказать королеве, почему Дугала решили принять на службу в Конгрегацию по чрезвычайным делам, но всегда повторял: «Когда я увидел его в первый раз, то пришел в ужас. Будто ожили летописи времен императорского Рима и романы Юлия Цезаря о кельтах-галлах. А встретив этого же типа через год, не узнал».

Королева-мать, неплохо осведомленная о многих тайнах Рима, догадывалась, что именно тогда произошло. Десять лет назад Конгрегацией руководил умнейший и опытнейший кардинал, монсеньор Умберто Фиески, чьим ближайшим помощником стал отнюдь не священник, но мирянин – захолустный германский рыцарь, половину жизни проводивший в боях и походах. Кардинал Умберто и его монахи приняли на себя заботу о душе дикаря-шотландца, а немец, Манфред фон Хомберг (сам когда-то бывший слегка облагороженным налетом цивилизованного воспитания дикарем, перебравшимся в Италию с верховий Везера, что в самом сердце Тевтобургского леса), наконец-то научил Дугала не бестолково размахать мечом, но, если так можно выразиться, понимать внутреннюю сущность любого оружия и находить с ним общий язык.

В итоге Конгрегация получила одного из лучших людей, выполнявших особо утонченные задания, мир обогатился еще одним человеком, который с варварской страстью овладевал всеми предложенными науками, говорил на пяти или шести языках и даже увлекся куртуазным стихосложением. И все равно оставался тем, кто есть – страшным дикарем из Каледонии. Дугалу очень нравилось им быть, только ему не часто разрешали.

Припомнив обстоятельства их знакомства (Мак-Лауд тогда изображал куртуазнейшего французского рыцаря), Элеонора от души расхохоталась, да так, что воробы, сидевшие на гребне ее шатра, забеспокоились и взлетели. В стихах трубадуров подобных персонажей именуют «сильными и молчаливыми», и, надо сказать, у шотландца неплохо получалось соответствовать всем строгим канонам образа.

Это случилось в декабре 1188 года, когда Ричард освободил королеву-мать из тюрьмы и Элеонора приехала на встречу с Монферратом в город Пуату, что в Аквитании. Маркграф, специально ради престарелой аквитанки выбравшийся из Тира и одолевший половину Франции от гавани Марселя до столицы Аквитании, прибыл в сопровождении невозмутимого молодого человека лет двадцати шести или чуть постарше, разодетого в пух и прах. Иронично улыбавшегося незнакомца королеве представили под именем Даниэля де Маллегрима из графства Бургундского.

Собственно, Элеонора поначалу невольно уделяла куда больше внимания не Конраду, а его спутнику, вполне того заслуживавшему, и не без грусти размышляла, отчего в ее возрасте попытку совратить эдакого красавчика непременно сочтут несколько неприличной? Даниэль – высокий, хорошо сложенный, двигавшийся с какой-то звериной грацией, обладатель всегда безукоризненно расчесанной гривы каштановых с рыжеватым отливом волос и странноватых

глаз, менявших в зависимости от настроения хозяина цвет от светло-карего до зеленого – вел себя по отношению к королеве с надлежащим пиететом, подчеркнуто не замечая многозначительных взглядов и вздохов ее фрейлин. Королева-мать не сомневалась, что за время пребывания в Пуату приятель Монферрата успел получить свое со всех дам и девиц, имевших неосторожность оказаться на его дороге, и только посмеивалась. Загадочный Данни, рекомендованный кардиналом Орсини, оказался совсем не таким, как она представляла. Куда необычнее любых фантазий...

В один из вечеров между Элеонорой Аквитанской и Конрадом состоялся приватный разговор, имевший далеко идущие последствия, после которого высокие договаривающиеся стороны расстались, вполне довольные заключенными сделками, и отправились кто куда: маркиграф – обратно в Марсель, дабы оттуда вернуться к побережью Святой земли, королева – в Лондон. Присутствовавший на встрече мессир де Маллегрим задержался еще на несколько дней, а затем, по слухам, уехал в Южную Францию, намереваясь присоединиться там к собирающейся крестоносной армии.

Спустя месяц в столице Британии объявился некий шотландец, Дугал из клана Лаудов, быстро завоевавший расположение нового канцлера Уильяма де Лоншана и создавший отряд шотландской гвардии, подчиненный только господину королевскому управителю. Элеонора с самого начала не доверяла ставленнику своего сына Ричарда и нашла чрезвычайно полезным иметь в свите канцлера человека, который станет внимательно надзирать за самым выдающимся прохвостом столетия (если, правда, не считать таковым Рено де Шатильона), а заодно выполнять кое-какие поручения королевы, требующие сообразительности и предприимчивости.

Однако Элеонору слегка настораживало полное отсутствие привязанности Данни к какому-то конкретному месту или человеку. Он не имел ленного владения (хотя Конрад вроде бы обещал ему таковое в награду за верную службу), герб украшала перевязь ненаследного младшего сына... Впрочем, плохо разбиравшаяся в варварской символике Шотландии королева-мать не могла в точности сказать, есть ли у изгнанного из родных мест Дугала вообще какой-либо герб. Маркиграф Монферратский с некоторым недоумением сообщил королеве, что близких друзей у Дугала нет, мимолетных подружек он забывает на следующий день и в целом его взгляд на мир напоминает философию волка-одиночки: я сам по себе, больше мне никто не нужен. Такой человек с течением времени может стать очень опасным – как для окружающих, так и для себя самого. Однако при первой встрече Дугал не произвел на Элеонору впечатления эгоистичного и обуянного гордыней себялюбца. Гордость – еще не гордыня, а гордости у Данни, как у любого обитателя земель Хайленда, имелось с избытком.

– Вот тебе задачка, матушка моя, – недовольно проворчала под нос королева-мать. – Или Дугал и Ральф заблуждаются одновременно, или кто-то вознамерился меня обмануть, или они решились на месть? Дугал собирается отомстить Ральфу? Не верю! По-моему, скотт даже немного раскаивается за дела грешной молодости. А вот Ральф... Или все-таки пытаются провести?

Элеонора поднялась со стульчика, оправила платье-сюркот и с неожиданной злостью врезала кулачком по тонким доскам походного стола.

– Меня еще никто не обманывал за все пятьдесят лет, которые я ношу корону, будь то корона Франции или Англии! – яростно, брызгая слюной, прошипела пожилая монархиня. – Поражения я терпела, но никому не удавалось меня обмануть! Если эти два молодых идиота решили со мной сыграть по своим правилам!.. Придется им показать, кто здесь владеет тронem, а кто должен бегать по поручениям королевы! Думаю, они будут счастливы оказаться в одном подвале Тауэра и повисеть на одной дыбе!

– Ваше величество? – одна из камеристок, услышав, как Элеонора подняла голос, заглянула в шатер. – Что-нибудь произошло?

– Нет! – рявкнула мать Ричарда. – Но если произойдет, клянусь святым Мартином, кто об этом очень пожалеет!

Глава вторая

Шотландия – навсегда!

9 октября 1189 года, утро и далее.

Мессина, королевство Сицилийское.

Нет ничего хуже, чем проснуться больным телесно и к тому же с похмелья.

Казаков с невероятным трудом разлепил глаза, и окружающий мир показался настолько мерзким, что захотелось провалиться обратно в теплый черный омут без сновидений и плавать в нем как можно дольше. Во рту и горле непереносимая сушь, слабость такая, что любое движение требует весьма значительных усилий, рука сильно болит... Что же такое стряслось? А, вспомнил. Хорошо, что удалось довольно дешево откупиться от искушения поучаствовать в войне двенадцатого века. Десяток сантиметров правее – и арбалетный болт пробил бы легкое или сердце. Повезло. В каком-то смысле.

Что же было потом? Правильно, они с Гунтером приехали в монастырь, перепугали Беренгарию, а дальше? Дальше был полулитровый бокал смеси красного вина со спиртом, принятый на голодный желудок и после изрядной потери крови. Как следствие – антероградная амнезия⁵. Никаких воспоминаний.

Он поднял гудящую, словно гонг в буддийском храме, голову, и попробовал осмотреться. Ложе устроили на сундуках с тамплиерским золотом. Вместо простыней – окрашенный в пурпур шелк. Небось, Беренгария пожертвовала. Внизу что-то мягкое и чувствуется запах сухой травы – монастырский тюфяк, принесенный святыми сестрами. Сквозь высокое окно пробивается золотисто-голубой свет, значит, давно утро. На одном из стульев у стены кто-то сидит.

– Ваше высочество? – просипел Казаков. – Это вы?

– Нет, пресвятая Мария Магдалина, утешительница и целительница.

– Кажется, это вам однажды сказали – «иди и не греши»?

– Если вы проснулись и начинаете острить, значит, мессир фон Райхерт переоценил тяжесть вашей раны, сударь, – сухо ответила принцесса. – Пожалуйста, попробуйте не шевелиться лишний раз. После ночного приключения сестры Мария и Клара от хвалитн до утрени отмывали пол от крови. Вашей, между прочим. Не понимаю, как в человеке может умещаться такое количество этой жидкости? Кстати, о жидкостях! Давайте я помогу вам сесть.

– Сам, – буркнул пострадавший и, стараясь не тревожить левую руку, попытался прислониться спиной к прохладной каменной стене. – Подайте кувшин или я умру от жажды, а в моей безвременной гибели обвинят вас.

Беренгария отнюдь не шутила, когда говорила, будто многое повидала в своем горном королевстве. Отец, король Санчо, несколько раз брал принцессу на войну с маврами, она присутствовала на множестве турниров, а во время битвы наваррцев с кордовскими сарацинами при Сарагосе даже помогала монахам и рыцарям-госпитальерам обихаживать раненых. Между прочим, любая благородная девица и прекрасная дама обязана быть знакомой с целительским искусством, это непременно составляющая хорошего воспитания. Если поблизости нет образованных священников, уход за мужьями, братьями или отцами, пострадавшими в непрерывных сражениях, возлагается на любящих женщин. Гунтер, посмеиваясь, как-то говорил

⁵ Состояние абсолютной потери памяти после приема наркотического или наркотизирующего вещества.

Казакову, что почти не сомневается в жульничестве со стороны рыцарей – они, мол, нарочно калечатся, чтобы внимание прекрасных дам не ослабевало...

Разумеется, принцесса с помощью сестер бенедиктинской обители загодя приготовила множество напитков, по совету келаря изрядно сдобренных лимонным соком.

– А можно... – Казаков выхлебал первый кувшин и подозрительно оглядел остальные, – можно попросить вина? Кислого? Голова жутко болит... Гунтер меня вчера опоил своим... *spirtyagoy*.

– Чем? – переспросила Беренгария. – А, кажется, поняла! Этим жутким пойлом, которое вы привезли с собой? Но зато вам не было больно, сударь. Вот вино. Вам оно тоже будет полезно.

– Не было больно, – бурчал оруженосец, маленькими глотками цедя перебродивший виноградный сок. – Вы хоть видели, что он делал? Я Гунтера имею в виду.

– Видела. Сначала мессир фон Райхерт... – принцесса неопределенно пошевелила пальцами. – Вначале он почистил вам... царапину, потом взял у меня иголку и начал зашивать. Я знаю, сарадины давным-давно научились шить раны, это искусство переняли некоторые европейцы, но увы, весьма немногие – например, рыцари Святого Иоанна, побывавшие в Палестине. Я сама не умею.

– Потом что-нибудь делал? – последовал настороженный вопрос.

– Вот, – Беренгария осторожно подняла двумя пальцами со стола использованный шприц-тюбик. – Сказал, будто это арабское снадобье. Чудно... Пузырек из очень странного материала.

«Еще бы ты видела пластик, – подумал Казаков. – На всякий пожарный все использованные инструменты из моей аптечки придется уничтожать, чтобы не вызывать лишних вопросов. Пусть Гунтер и говорил, что инквизицию еще не придумали, но все равно – *таких* следов оставлять нельзя. Воображаю: лет через восемьсот археологи начнут копать Мессину и найдут в культурном слое двенадцатого-тринадцатого веков использованные шприцы... Сенсационная реклама для колумбийских наркокартелей! Смешно...»

Исполнив долг милосердия, принцесса снова опустилась в черное деревянное кресло и вернулась к прерванному неожиданным пробуждением господина оруженосца занятию. Беренгария успела подружиться с сестрой келарем, преподобной Марией Медиоланской, являвшей полную противоположность фурии аббатисе – сестра Мария являлась просто образцом добродетельной монахини: тихая, добрая, деловитая и не чуждается небольших радостей жизни. Именно она вчера проводила Беренгарию в библиотеку монастыря, чтобы наваррка могла посмотреть интересующие ее книги.

Здесьние библиотеки весьма отличались от книжных собраний, знакомых Гунтеру и Казакову по прошлой жизни. Очень небольшие – книги ведь не печатаются, а переписываются, дорог пергамент, хорошие краски и чернила, бумагу из хлопка делают только на востоке или в Кордовском халифате, переписчику для того, чтобы скопировать одно лишь Святое Писание в полном объеме, требуется год, а то и полтора... Следовательно, семь с половиной тысяч томов, находившихся в знаменитой обители Ключи, вотчине Бернара Клервосского, являли собой одну из самых крупных библиотек христианского мира. Может быть, собрание книг Константинополя из хранилища собора Святой Софии и превосходит числом Ключинскую коллекцию, но ненамного. Еще следует вспомнить, что большинство авторов пишут на латыни (каковой язык, в общем-то, знают все образованные люди), но книги греческие, арабские или написанные на еврейском, приходится переводить, что весьма задерживает их распространение по другим монастырям.

За двести лет существования женской обители святой Цецилии библиотека подобралась очень даже неплохая: восемьсот с лишним томов. Блаженный Августин, Ансельм Кентерберийский, Ареопagit, обязательный святой Бернар, многочисленные Жития, Евангелия и схо-

ластические сочинения, римские и эллинские авторы – от ясного солнышка науки и просвещения Аристотеля Стагирита до язвительного Сократа, вьедливого Геродота и обстоятельного Тита Флавия.

Беренгария осмотрела тома, пробежалась равнодушным взглядом по собраниям папских булл, разрозненным книгам на непонятном арабском языке, толстым подшивкам летописей, сделала невинное лицо и сказала сестре Марии, что хотелось бы найти что-нибудь попроще. Светское, так сказать. Мирское и суетное. Да простятся такие помыслы...

Мария Медиоланская подняла брови, но ничем более удивления не выявила, объяснив, что преподобнейшая аббатиса Ромуальдина Кальтаниссеттская запретила содержать в библиотеке греховные сочинения, предосудительные для монахинь и ведущие лишь к духовной гибели, телесным искушениям и отвлечению от благочестивого созерцания величия Господнего. Беренгария намекнула, что запреты для того и существуют, чтобы их нарушать, а ничего дурного или грешного в «Песне о Роланде», к примеру, нет вовсе. Не стоит также забывать, что сама Беренгария не принимала схимнического обета, а является мирянкой. Сестра Мария сдалась.

В самом дальнем углу библиотеки громоздился коричневый, засиженный мухами шкаф. Келарь подошла к сему монументу, сняла с верхней полки несколько книг, а Беренгария с любопытством выяснила для себя, что у шкапа отодвигается задняя панель, скрывающая за собой нишу в стене, а там лежат рукописи, завернутые в тряпки. Сестра Мария, не глядя, выдала принцессе находившийся сверху фолиант и предупредила, что, коли Беренгария попадется с этим сочинением на глаза Ромуальдине, то пусть говорит, что привезла книгу с собой из Наварры, а лучше вообще сошлется на Элеонору Пуату и клянется, что том принадлежит королеве-матери.

Именно сей редкостной рукописью сейчас и зачитывалась Беренгария на глазах мессира оруженосца. Рядом с ней удобно устроилась рыжая кошка – драгоценный подарок невесте от Ричарда Львиное Сердце – которую принцесса, поразмыслив, назвала Гуэридой, то есть, в переводе с наваррского диалекта, Прелестью.

– Ваше высочество, – Казаков, после нескольких литров кислого подогретого питья постепенно начал оживать и, как обычно, повел себя непринужденно, – почитайте вслух, мне тоже интересно.

– Разве вы знаете латынь? – Беренгария искоса взглянула на подопечного. – По-моему, вы утверждали, будто благородное наречие Рима вам неизвестно.

– А переводить вы не можете?

– Если, – страшным шепотом сказала принцесса, – ее преподобие хоть краем уха услышит мой перевод, а войдя сюда, обнаружит, что я читаю эту вещь мужчине, на котором нет даже рубашки, непременно случаться две крайне неприятные вещи. Или аббатиса скончается от излияния зеленой желчи, или нас отсюда выгонят...

– Очень интересно, – хмыкнул Казаков. – Что за сочинение? Опять история о Ланселоте и Гвиневере?

– Публий Овидий Назон, – невозмутимо призналась Беренгария. – Трактат под названием «Ars amati». Никогда не встречали списков или переводов?

Казаков поперхнулся. Читать не читал, но слышал много. И кино смотрел, еще *тогда*... Однако каковы вкусы у принцессы! Посмотреть со стороны, так Беренгария – образчик благороднейшей и благовоспитанной девицы, истинной католички и (страшно подумать!) дочери самого настоящего короля. Что там говорит народная мудрость насчет тихих омутов?

«Ars amati» Овидия или «Искусство любви» для распущенного двадцатого века являлась книжкой вполне допустимой и, по сравнению с некоторым более современными трактатами, в чем-то даже безобидной. Еще в Петербурге Казаков видел, как небольшой томик строгого оформления преспокойно продавался в медицинском отделе Дома Книги. Фильм с одноимен-

ным названием поставили итальянцы и смотрелся он более как неплохое историческое кино, нежели четкое воспроизведение рекомендаций автора.

Но в двенадцатом веке!.. Криминал, срам и разврат! Это даже Казаков понял. Если называть вещи своими именами, «Искусство любви» являлось эдакой «Кама-сутрой» для эпохи Раннего Средневековья с популярно изложенными советами для начинающих.

– Вы знаете, ваше высочество, что даже в растленном Риме эпохи Цезарей, – целомудренно-ханжеским голосом сообщил Казаков Беренгарии, – сей трактат считался крайне... двусмысленным? Публия Овидия за эту дивную книжку выгнали из города и сослали к черту на рога, в Таврию⁶.

– Разве? – удивилась принцесса. – Я всегда пребывала в уверенности, что римляне были куда терпимее к взаимоотношениям подобного рода между мужчиной и женщиной. Вы будете смеяться, но эту книгу я раздобыла у монахинь.

– М-да, – Сергей закашлялся. – Библия учит нас любить ближнего своего, а Овидий растолковывает, как именно это делать...

Беренгария сделала оскорбленное лицо, но не выдержала и засмеялась. На ее памяти это был первый куртуазный афоризм, порожденный явившимся из варварских земель оруженосцем сэра Мишеля. Значит, он еще не безнадежен.

– Ой, – принцесса вдруг отложила книгу и вскочила, отчего кошка свалилась на пол и недовольно мявкнула. – Я вспомнила, что мессир фон Райхерт обещал придти после рассвета и привести с собой шевалье де Фармера! Уже давно отзвонили час первый, а их до сих пор нет! Неужели что-то случилось?

– Мы попросили господина де Алькамо послать к вам кого-нибудь из своего отряда, если с нами что-то произойдет, – тоже обеспокоившись, сказал Казаков. – Если никто не приходил, значит, с Мишелем и Гунтером все в порядке. Вы не слышали никаких новостей утром на мессе?

– Ночной штурм отражен, – ответила Беренгария. – Прошел слух, будто сицилийцы делали вылазку большим отрядом и изрядно побили англичан. Больше ничего.

– Ясно, – кивнул Казаков и подумал: «Если к вечеру немного очухаюсь, а эти два раздолбая не объявятся, поеду к Северной башне, оглядеться. Мало ли... Одно хорошо – Гунтер забрал пистолет и при опасности сможет хоть как-то защититься. Но он, тевтонская морда, человек пунктуальный, и, если обещал придти с утра, то обязательно пришел бы. Значит, вылазка? Уж не отправился ли мой рыцарь вместе с сицилийцами?..»

* * *

– Вы авантюрист, шевалье, – без обиняков заявила Элеонора Пуату. – В другое время у меня имелся бы повод обвинить вас в измене своему королю, но сейчас времена особенные. Будем считать, что сие не измена, но действия во благо государства. Ричарду придется гораздо хуже, если этот упрямец не остановится, а святейший Папа выполнит свою угрозу. Отличное начало Крестового похода, вы не находите? Предводитель крестоносной армии отлучен от Церкви за ссору с собственным союзником!

– Значит, ваше величество одобряет наш план? – осторожно спросил сэр Мишель. – Я не думаю...

– Наше величество одобряет, – нетерпеливо отмахнулась Элеонора. – Пусть лучше будет так, нежели мне опять придется терпеть такой позор! Я отлично помню, как Папа Александр III наложил интердикт на Нормандию после убийства Томаса Бекета и сколько унижений при-

⁶ Таврия (лат.) – Крым.

шлось испытать старому Генриху ради того, чтобы вымолить прощение у Святого Престола! Более ничего подобного я переживать не намерена.

– Тогда мы можем просить о встрече с королем?

– Просить! Увы, не у меня, – Элеонора крайне недовольно поморщилась. – Я отговаривала Ричарда целые сутки, и в результате... Мы расстались взаимно огорченными.

«Весьма смягченная формулировка, – подумал Гунтер, слушая королеву-мать. – Успев раззнакомиться с аквитанкой поближе, я начинаю понимать, что слово „огорченными“ подразумевает под собой скандал в истинно романском духе: с криками, взаимными обвинениями, может быть, даже с битьем посуды. Впрочем, посуда здесь серебряная, не разобьется...»

– Выйдите, господа, я переоденусь, – Элеонора тяжело поднялась со складного кресла. – Я придумала, как обставить дело. С вас беру только одно обещание – слушать меня и ни в чем не противоречить.

Почти рассвело. Теперь можно было рассмотреть стан английского короля – почти десяток громадных и роскошных шатров, наспех сколоченные коновязи и, как следствие, неприбранный с утра лошадиный помет, чуть в стороне скопище знамен: белый штандарт с багровым крестом святого Георгия, синий флаг Шотландии, леопарды Вильгельма Завоевателя и дрок династии Анжу. Красиво. Впечатление портит только пристроившаяся рядом чья-то породистая собака, задравшая ногу как раз на резное древко знамени короля. Закончив свои дела, непочтительная псина весело гавкнула и скрылась в палатке герцога Йорка.

Суматоха в лагере давным-давно закончилась. Сицилийцы благополучно исполнили задуманное, попортив нервы войску Ричарда, и исчезли как призраки. Гунтер и сэр Мишель, дожидавшиеся, пока камеристки оденут королеву, слышали, как оруженосцы предводителей английской армии спорят, кто именно совершил нападение, причем версии выдвигались донельзя знакомые, но романтически приукрашенные: да, высадился Саладин, но арабов сбросили в море, а самого султана зарубил Ричард Львиное Сердце, первым отважно бросившийся в ночное сражение.

Сию легенду, однако, развеял сам Ричард. Ихнее королевское величество внезапно выбралось из шатра в самом что ни на есть заспанном виде, за королем же следовал взъерошенный фаворит – Бертран де Борн, босиком, в панталонах и короткой ночной рубашке. Господа оруженосцы от неожиданности застыли, забыв поклониться монарху, а Ричард, громко зевнув, спросил:

– Надеюсь, ночь прошла спокойно? Или Йорк все-таки взял Мессину?

Кто-то из молодых пажей не выдержал и нервно захихикал, но быстренько смолк. Смеяться над королем, знаете ли, чревато.

– Доброе утро, сын мой, – на сцену явилась Элеонора Пуату, полностью одетая в любимое розовое сюрко, шапочку с вуалью и подбитый куньим мехом плащ. Жестом отослав придворных дам, королева-мать целеустремленно направилась к Ричарду. – Ваше величество, покоен ли был ваш сон?

Судя по наилюбезнейшему тону матери, Львиное Сердце понял – ночью что-то стряслось. Подавив новый зевок, король куртуазно поклонился Элеоноре и озадаченно воззрился на окружающую местность. Ничего особо страшного не замечалось, а потому Ричард ответил как можно хладнокровнее:

– Почивал весьма благополучно, матушка. А вы? Не привиделся ли гиппотавр?

– Нет, – пресекла ерничество возлюбленного чада Элеонора Аквитанская. – Не привиделся. Мне снилось другое: нападение на ваш лагерь. Танкред показывает зубки, сир, а у вас всего три дня для того, чтобы договориться с королем Сицилии.

– Нападение? – Ричард кулаком протирает глаза, а мессир де Борн предпочел ретироваться обратно в палатку, ибо Элеонора ожгла его взглядом, более приличествовавшему голодному василиску. – Почему меня не разбудили?

– Наверное, – источавшим патоку голосом проворковала королева, – боялись нарушить ваше уединение с мессиром Бертраном де Борном. У вас, видимо, был многоученный диспут о поэзии?

– Надоело! Прекратите, прошу вас! – не то обиженно, не то яростно выкрикнул Ричард. – Сударыня мать моя, мне следует натащить полный шатер шлюх, чтобы вы перестали меня попрекать? Кто-нибудь мне скажет наконец, что произошло? Где Йорк и граф Анжуйский?

– Возле стен города, – несмело заикнулся один из пажей. – Готовят новую атаку. А ночью...

– Что произошло ночью, вам объяснят эти дворяне, – Элеонора взглядом приказала юному оруженосцу умолкнуть, и повела ладонью, подзывая Мишеля с Гунтером. – Только благодаря им вы, мессир сын мой, могли благополучно созерцать сны.

Церемония представления оказалась короткой и деловой. Непременное преклонение колена, рыцарь с германцем быстро назвали имена и замолчали, предоставляя право говорить хитрющей королеве-матери. Интересно, что такого она придумала?

Еще не до конца проснувшийся Ричард озадаченно рассматривал сэра Мишеля. Он определенно где-то встречал этого шевалье, но никак не мог вспомнить, где именно – быстрому соображению мешали невыветрившиеся с вечера винные пары. Молодой Фармер, наоборот, все отлично помнил, однако подсказывать Ричарду отнюдь не собирался, благо обстоятельства их встречи говорили отнюдь не в пользу Мишеля. Именно сын барона де Фармер поздним осенним вечером 1188 года заставил Львиное Сердце, тогда еще принца, отступить – Ричард в одиночку погнался за маленьким отрядом, сопровождавшим больного короля Генриха II, но достичь своей цели не сумел. Некий совсем молодой норманн из свиты Старого Гарри загородил принцу дорогу, а когда тот отказался от поединка, ранил коня.

– Мы с вами знакомы, шевалье? – хмурясь, спросил король, чья память никак не желала возрождаться из похмельного праха.

– Да, ваше величество, некоторым образом. Я воевал с вами в Нормандии и участвовал в сражении при Верн-д'Анжу, когда была обращена в бегство армия Генриха.

Сэр Мишель говорил истинную правду – по неразумной молодости (если быть справедливым, этот этап жизни он до сих пор не миновал) Фармер еще оруженосцем вступил в войско принцев, много месяцев сражался против прежнего короля, но, получив рану копьем в левый бок, отправился домой, прибившись по дороге к эскورتу Старого Гарри. Правда – она правда и есть, единственно, чуточку неполная.

– А-а, – довольно протянул Ричард. – Очень рад, что вы, сударь, тогда стояли за справедливость.

«Видел я твою справедливость, – сохраняя бесстрастное лицо, подумал Фармер. – Особенно когда ты и Филипп-Август вынуждали несчастного старика подписать договор о передаче земель короны в пользу Франции».

Заговорила Элеонора, не выпуская инициативу из своих рук. Королева поведала, расписывая пейзаж яркими красками, о ночном нападении сицилийцев, панике в лагере, вероломстве Танкреда и добавила от себя несколько дополнительных штрихов – оказывается, какой-то сумасшедший сицилиец прорвался аж до королевских палаток и едва не убил вышедшую подышать ночным воздухом Элеонору. Если бы не эти два доблестных шевалье, вы, сударь, остались бы сиротой!

Судя по выражению лица Ричарда, он бы ничуть не возражал против такого оборота дел, но, когда королева-мать в самых превосходных формулах отозвалась о благородстве, самопожертвовании и преданности двух нормандцев, случайно оказавшихся возле ее шатра, король начал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу. Во-первых, ему надоело слушать высокий слог Элеоноры, во-вторых, после долгой ночи и вчерашнего вина хотелось прогуляться по своим делам. На несообразности в рассказе королевы Ричард внимания не обратил – это как, инте-

ресно, двое никому не известных господ «случайно оказались» за цепью гвардейской охраны, а уж тем более каким образом сюда прорвался сицилиец? Пажи и оруженосцы, окружившие Ричарда, догадывались, что королева-мать, мягко говоря, слегка приукрашивает подробности ночного нападения, но молчали – возражать даме, тем более матушке венценосца? Ищи дурака!

– Я вам благодарен, господа, – вздохнул Ричард и громко позвал: – Бертран!

– Что угодно моему королю? – де Борн осторожно высунулся из-за полога.

– Принеси мой кинжал... И меч тоже.

Менестрель обернулся меньше, чем за полминуты, вытащив на свет Божий королевское оружие.

– Вот, – почему-то чуть смущенно сказал Ричард, протягивая сэру Мишелю длинный кинжал в слегка потемневших серебряных ножнах и с гладкими цветными камнями на эфесе. Очень хорошая итальянская работа, знаток мигом определил бы по узорам, что клинок сделан в Венеции. – Шевалье де Фармер, примите и носите с честью.

Сэр Мишель бухнулся на колени, принимая подарок, вытянул лезвие из ножен до половины, приложился к нему губами и провозгласил:

– Я предан вашему величеству до окончания моего земного пути.

Гунтеру очень захотелось дать своему рыцарю роскошного пинка, ибо поза соответствовала, но германец понял, что в таком случае его зарежут на месте. Наградным оружием. Дабы в соответствии с древними норманнскими традициями обновить подарок.

«Облагодетельствовали, – саркастично подумал Гунтер, наблюдая развернувшуюся сцену, вполне достойную пера какого-нибудь талантливого трубадура наподобие Бертрана де Борна. – Не удивлюсь, если амант Ричарда, желая подлизаться к Элеоноре, которая, судя по всему, его терпеть не может, уже к вечеру настроит балладу о том, как сэр Мишель де Фармер спас великую королеву от вражеского меча. Черт побери, все плюшки достаются рыцарю, а бедному оруженосцу даже спасибо не скажут! Несправедливо!»

Что бы там Гунтер не думал, справедливость восторжествовала, да с такой силой, что германец потом целый день не мог очухаться.

Ричард, одарив сэра Мишеля, повернулся к его верному слуге.

– Мессир Гунтер фон Райхерт... – задумчиво сказал король, заодно кивая подошедшему шотландскому принцу. Эдвард заинтересовался и решил посмотреть, что происходит возле королевского шатра. Разумеется, за шотландцем притащилась компания подданных, похожих друг на друга, как детишки из бедного приюта – нечесанные патлы, цветные клетчатые пледы и одинаково разбойничьи физиономии. Скотты поглядывали на Ричарда не то, чтобы враждебно, а так, будто у них на языке вертелась какая-то еще не обретшая словесную форму гадость.

– Я могу лишь подтвердить слова моего сюзерена о всецелой преданности королю, – выродил Гунтер, когда пауза затянулась.

– Вы имеете лен в Священной Римской империи? – поинтересовался Ричард.

– Увы, но я младший сын в семье и не получил наследственных земель, – пришлось врать в глаза, а что еще делать? Не объяснять же Львиному Сердцу, что родовое поместье находится в семистах пятидесяти годах в будущем?

– И вы – оруженосец? – благосклонно уточнил король.

– Да, сир.

– Матушка, – Ричард повернулся к Элеоноре, а Гунтер заметил, что королева-мать поджала губы, чтобы не рассмеяться. Разыгрываемый куртуазный спектакль ее очень забавлял – надо полагать, Элеонора потешалась над сыночком, старательно изображавшим из себя щедрого короля и оценившим жизнь матери в единственный кинжал, пусть и дорогой. – Матушка, мессир фон Райхерт тоже помог вам в трудный час?

– Разумеется! – не сдерживая чувств, немедленно заахала Элеонора. – Доблесть этого дворянина должна быть вознаграждена королем, тем более, сын мой, вы сами видите, – подданный императора Фридриха храбро сражается за английскую корону!

Ричард снова вздохнул и, забрав у Бертрана де Борна свой меч, приказал Гунтеру:

– Преклоните колена, мессир.

«Чего? – германец начал догадываться, что именно сейчас произойдет. – Ну, знаете ли... С Элеонорой Пуату потом не расплатиться будет!»

– Претерпите сей удар и не одного более, – скучающим голосом произнес король Англии и слегка шлепнул Гунтера по правому плечу лезвием обнаженного клинка, а затем подал специально прихваченные понятливым де Борном золотистые шпоры рыцаря. – Со шпорами я вам жалую... земли. В королевстве Шотландском.

Принц Эдвард открыл рот, а его клетчатая свита загудела, будто просыпающийся улей. Теоретически сейчас Шотландия была независимой, хотя Эдвард и признавал сюзеренитет английского короля.

– Ваше высочество, – Ричард повернулся к принцу. – Прошу вас найти для верного палатина королевы свободный лен и даровать благородному шевалье герб.

– Кхм-м-м... – выдал шотландец, но один из громил, составлявших свиту, что-то шепнул на ухо Эдварду, и принц улыбнулся.

– Извольте, сир. Шотландия – королевство бедное, но мы не можем отказать вашему величеству в таком благородном деле. Не столь давно скончался барон Мелвих, не оставив наследника, и его земли перешли во владение короны. Посвященному вами дворянину жалуются баронство Мелвих. Королевскую грамоту на лен и герб шевалье может получить у меня сегодня же днем.

Гунтер искоса посмотрел на шотландцев и что-то в их лицах ему не понравилось. Нахальные дикари поглядывали на новоиспеченного барона со странным выражением – наполовину сочувственное, наполовину глумливое. Ладно, с этим можно будет потом разобраться.

Хуже другое – германец понятия не имел, что говорить в ответ. Все торжественные фразы, когда-либо вычитанные у писателей-романтиков XIX века, выветрились из головы, ибо *такого* посвящения Гунтер не ожидал. Кажется, принято принести вассальную присягу-оммаж, протянуть руки сюзерену, коснувшись его ладоней?.. Только кто конкретно сюзерен? Ричард или шотландец?

– Милость вашего величества не знает границ, – невнятно буркнул германец, краснея под развеселыми взглядами скоттов.

Но Ричард уже не слушал. Сочтя свой долг перед спасенной от лютой гибели матушкой полностью выполненным, король коротко бросил пажам «Одеваться!» и, что-то насвистывая под нос, отправился в палатку.

* * *

До вечера оставалась масса времени. К сожалению, тотчас поговорить с Ричардом и соблазнить его безумным планом захвата Мессины не получилось. Король облачился в кольчужный доспех, забрал с собой все необходимые принадлежности – меч, коня, двух оруженосцев и Бертрана де Борна – и ускакал к Северной башне сицилийской столицы. Надо полагать, командовать, руководить и совершать подвиги.

– Ничего страшного, – преспокойно утешала Элеонора обоих рыцарей. – Ричард вернется к трапезе. Тогда вы сумеете его убедить. Доказать, если угодно, свою преданность. Разыскали подземный ход и придумали, как быстро и бескровно взять город. Ричард, вне всякого сомнения, вас выслушает, мессир – характер у него отнюдь не мой и даже не отцовский. Иногда своими затеями он напоминает мне короля Англии Стефана де Блуа, правившего прежде моего

второго мужа. Такой же безумец, как и Ричард. Не слышали, как Стефан взял замок Фарнхэм? Вдвоем с оруженосцем поднялся по веревке на стену и сумел разрубить канаты, удерживавшие подъемный мост!

– А что нам теперь делать? – хмуро поинтересовался сэр Мишель. Рыцарь пребывал в недовольстве – его благородной натуре претило получить подарок ни за что и участвовать в обмане. К тому же Ричард подарил Фармеру какой-то вшивый кинжал, а оруженосцу (черт, теперь бывшему оруженосцу!..) даровал аж целое баронство!

– Не огорчайтесь, шевалье, – королева-мать, женщина мудрая и многоопытная, будто читала мысли Мишеля по его лицу. – Я вижу, вы озадачены. Полагаете, что не следовало обманывать Ричарда и награда получена незаслуженно? Оставьте, право слово... Все сделано правильно. Почему? Вы мне сами рассказали, как ночью обороняли башню, как ранили мессира Сержа... Думаю, что мой сын, доставивший вам столько неприятностей, просто был обязан каким-то образом искупить свои несправедливости, творимые по неразумию. Вашего второго оруженосца я вознагражу сама, когда бесчинства Ричарда подойдут к концу и мой неразумный сын будет справедливо наказан за недостойные королевского титула дела... Боже, он никогда не станет королем! Настоящим королем, а не просто воителем. Я вас убедила? Отвечайте прямо.

– И все равно мне кажется, что мы получили столь высокие милости несправедливо, – упрямо заявил сэр Мишель. – Но если на то была воля Господня и ваша, государыня, мы не вправе противоречить.

– Благодарю за откровенность, сударь, – улыбнулась королева-мать и повернулась к молчавшему Гунтеру: – А вы, господин барон... э... как?

– Барон Мелвих, – припомнил германец непривычное для слуха кельтское название.

– Вот-вот, мессир Гунтер фон Райхерт, барон Мелвих! Немедленно пойдите к принцу Эдварду и заберите жалованную грамоту. Не смущайтесь и не стесняйтесь, шотландцы вас не съедят. Они такие же люди, как и мы все, только весьма сумасбродные. Я вам не рассказывала, как у меня был любовник из Шотландии лет тридцать назад? Тогда Старый Гарри ко мне охладел и завел роман с Розамундой Клиффорд, матерью вашего доверителя, архиепископа Годфри Клиффорда. Я сочла себя вправе тоже изменить супругу и выбрала сотника шотландской стражи Тауэра. Очаровательный был тип, но в любой момент мог выкинуть такое... Понимаю, королеве неприлично признаваться в подобных выходках, но мы, в конце концов, взрослые люди! Мои авантюры совершались настолько давно, что теперь простительно вспоминать о делах давно ускользнувшей молодости... В конце концов я дама, и могу позволить себе маленькие капризы!

Королева мечтательно устремила глаза к матерчатому потолку шатра, предаваясь воспоминаниям, но оборвала себя на полуслове:

– Мессеры, если вы не будете меня останавливать, я могу говорить о прошлом до заката. Отправляйтесь в лагерь скоттов, но обязательно возвращайтесь ближе к вечеру. Кстати, дам один совет – не пейте с шотландцами. Иначе задуманное вами предприятие непременно сорвется.

Элеонора проводила Гунтера с Мишелем до выхода из палатки, указала, где можно найти шотландцев, решившихся отправиться вместе с королем Англии в Крестовый поход, а сама кликнула камеристок и отправилась к импровизированной перевозной церквушке, представлявшей из себя снятый с колес фургон.

– Я даже не вступил в права наследства над Фармером, – ворчал сэр Мишель по дороге к кучке шатров, над которыми красовались голубовато-синие флаги с косым белым крестом святого Андрея и непонятные многоцветные вымпела, украшенные варварскими гербами скоттов. – А тут извольте: оруженосец без году неделя просквозил аж в бароны! И посвящение от самого короля! Вы, шевалье, удачливы.

– Будешь обращаться ко мне на «вы» – получишь по шее, – фыркнул, ответил Гунтер. – Я тебе больше не оруженосец, могу своих заводить. К тому же у меня есть титул, а у тебя пока нет!

– Иисусе! – сокрушенно вздохнул норманн. – Как теперь мне прикажете быть? С Сержем я один не справлюсь, он же варвар! То есть я хотел сказать, *совсем не наш*. Если у тебя еще присутствуют понятия о том, что такое настоящий дворянин, то этот... этот...

– Привыкнет, – индифферентно развел руками Гунтер. – Прошлой ночью Серж проявил себя весьма неплохо.

– Ага, – слегка презрительно сказал сэр Мишель. – И был ранен в первом же бою. Хотя... Трех или четверых англичан он уложил. Никогда не видел, чтобы человек дрался таким странным образом – вертится, будто угорь на сковородке, ногами пинает... Я заметил, как он заехал какому-то сержанту Ричарда подошвой в подбородок...

– Гляди, кажется пришли...

Гунтер ужасно смущался. Ему казалось неудобным появляться у принца только затем, чтобы забрать бумагу, на которую он имел весьма сомнительные права. Однако Эдвард Шотландский принял германца и сопровождавшего его шевалье де Фармера вполне доброжелательно.

– А, вот и вы! – радостно воскликнул принц, едва визитеров допустили под его светлые очи. – Все готово уже давно.

– Э-э... – замялся Гунтер. – Я могу спросить у вашего высочества, где именно находится пожалованный мне лен?

– Идите сюда, – махнул рукой Эдвард. – Сейчас покажу. У меня хранится карта, составленная монахами святого Патрика из Эдинбурга. Во-от...

Принц, между прочим, на принца отнюдь не похожий, ибо Эдварду было глубоко за тридцать и его весьма старила темно-рыжая густейшая борода, вытащил из медного тубуса свернутый пергамент и, запросто опустившись на колени, расстелил его на полу, укрытом ковром.

План действительно был неплохой, по крайней мере, Гунтер сразу узнал очертания севера Британских островов, пусть немного искаженные в сравнении с точными картами двадцатого века. Пожалуйста, можно сразу опознать остров Мэн, Гебридские и Оркнейские архипелаги, горы Грампиан, большой залив Мори-Ферт, скопления городов, нарисованные синей краской озера и темные ниточки дорог.

– Мелвих... – Эдвард ткнул пальцем в северное побережье Британии, – расположен здесь. Баронство небольшое, отдаленное, но спокойное. Раньше там жили лохлэннехи, то есть викинги из Скандинавии, потом земля перешла обратно к Шотландии.

Гунтер только охнул. Теперь понятно, почему патлатые варвары смеялись. С равным успехом можно получить баронство в Японии или герцогство на юге Африки. По подсчетам германца, неплохо знакомого с сеткой координат, его новообретенное владение располагалось примерно на пятьдесят восьмом – пятьдесят девятом градусах северной широты, на бесплодном берегу холодной Атлантики, и не дальше, чем в пятидесяти километрах от самой северной точки Британских островов. Дыра и глухомань. Медвежий угол. Вдобавок, чтобы туда попасть, следовало долго плыть вдоль английского и шотландского побережий, а если двигаться сушей, то, высадившись в Дувре, пришлось бы миновать Лондон, Ноттингам, герцогство Йорк, добраться до Глазго, а там идти через Кинлох-Раннох, Грампианский хребет, Дингуолл и еще дальше на север.

– Вы не огорчайтесь, господин барон, – принц Эдвард дружески потрепал Гунтера по плечу. – Понимаете ли, в моей стране есть некоторые традиции, не принятые на континенте. Если бы я по просьбе Ричарда дал вам лен в горной Шотландии или в Лоуленде, из этого ничего бы не вышло. Вы просто не смогли бы вступить в права. У нас не любят пришельцев, как не любили саксов, еще больше – норманнов... Вы не беспокойтесь, дохода Мелвих не принесет, но

жить там можно. Баронством управляет королевский наместник, когда я буду отсылать депеши в Эдинбург, моему отцу, я его немедленно осведомлю, что лен передан в ваше владение.

– Там хоть что-нибудь есть? – не скрывая глупой улыбки, спросил Гунтер. Он прекрасно понял, что шотландцы над ним невинно подшутили. – Я имею в виду, кроме камней и вереска?

– Не знаю, не бывал, – добродушно хохотнул принц. – Ну, наверное, пара деревень. Господский дом... Может быть. Рыбу ловят, овец пасут. Повторяю, шевалье, не огорчайтесь. Теперь вы шотландский лендлорд. Держите грамоту.

В ладонь Гунтера переключал внушительный свиток с синей печатью принца.

– Герб очень простой, – продолжал говорить Эдвард. – Остался со времен нашествия викингов. Распахнувший крылья серебряный ворон в лазурном поле. Вот, посмотрите.

Принц выудил из сундучка толстую книгу-гербовник, полистал обветшавшие пергаментные страницы и кивнул на изображение летящей в левую сторону непонятной птицы, которую можно было принять как за выцветшего ворона, так и за синицу-альбиноса.

«Весьма многозначительно... – подумал про себя германец. – Тут и уверуешь в длань судьбы. Белая ворона в качестве герба. Alles. И баронство в Шотландии. Если вдруг опять заявится Лорд, похвастаюсь. Заработал...»

– Моя благодарность... – Гунтер снова завел приевшуюся песенку вассала, но Эдвард только тряхнул бородой и сморщил нос:

– Барон Мелвих, бросьте церемонии. Мы, шотландцы, люди простые, запомните это на всю жизнь. Сэр, сегодня вы стали рыцарем и владельцем отличнейшего лена в прекрасной стране! По-моему, это нужно отметить. У нас в Шотландии по такому поводу всегда устраивают праздник. Идемте, я познакомлю вас и господина де Фармера со своими людьми. Они не очень хорошо говорят на норманно-французском, но, думаю, мы поймем друг друга.

Бесспорно, шотландцы являлись варварами и невоспитанными дикарями, но Гунтер выяснил, что они, в общем-то, парни неплохие. Только сэр Мишель сохранял типично норманнский надменный вид, который, однако, исчезал с каждым выпитым кубком. Не зря Элеонора предупреждала...

Шотландцы обустроились очень неплохо, пускай и знали – крестоносная армия на Сицилии не задержится. В их лагере почти не держали лошадей: скотты предпочитали пеший бой, а значит обязательная грязь и вонь походной конюшни оставались привилегией англичан. Общий стол поставили под открытым небом, сколотив его из поваленных средиземноморских сосен, кострища обложены глиной, палатки, куда более скромные и потрепанные, нежели у англичан, отнесены подальше от огня – мало ли, поднимется ветер и понесет искры на шатры... Пока знакомились, а рыжебородый принц представлял своим вассалам надутого сэра Мишеля, подбежали какие-то девицы, кликнутые Эдвардом (абсолютно непохожи на дам из окружения Ричарда! Косы, длинные домотканые платья, множество деревянных и вырезанных из простого камня побрякушек...) и утащили Гунтера с собой. Как выяснилось, снять мерку, а зачем – непонятно.

В целом небольшой шотландский лагерь, насчитывавший от силы полторы сотни человек, удивлял своей непосредственностью и радушием. Кельты мигом прояснили, что явились не сассенахи, а француз-норманн (любым обитателям континента скотты симпатизировали куда больше, чем англичанам) и германец, который, вдобавок, получил милость от светлейшего принца. Приволокли жбаны с пивом, от которого Гунтер уже успел отвыкнуть, ибо в Средиземноморье и Франции этого напитка почти не знали, вино и сушеную козлятину.

Традиции поддерживались обязательно – практически все шотландцы, кроме тех, кто происходил родом из Лоуленда – Нижней, Равнинной земли, красовались в многокрасочных пледах и Гунтер даже успел уловить знакомую черно-желтую клетку прямых родственников Дугала Мак-Лауда, уехавшего вместе с сэром Гаем Гисборном в Марсель. Черно-зеленый с белыми и золотыми прожилками тартан Мак-Алпинов, бывшей королевской семьи

Шотландии, темно-зеленая с темно-синим клетка Мак-Эванов, багровые с черным клановые цвета Мак-Калланмора, изумрудно-желтые Мак-Иннесы, красно-желто-зеленый плед Стюартов, которые еще не успели стать королями... Фейерверк. На самом деле очень красиво и необычно. Причем Гунтер, видевший более поздние, образца XIX–XX веков шотландские костюмы, ничуть не удивлялся особому способу ношения пледа. Это далеко в будущем одежды скоттов превратятся в вычурный фейл-брейкен, то есть непосредственно в килт-юбку, на которую сверху наматывается еще и плед. Сейчас подданные шотландского короля брали длинный – метра четыре, не меньше – отрез тканой клетчатой шерсти шириной в два локтя, обворачивали по часовой стрелке вокруг бедер, а оставшийся конец перебрасывали через плечо и закрепляли поясом. Выглядит непритязательно, но своеобразно.

Из общего клетчатого благолепия выделялась только одна персона, являвшая собой чернорясного монаха ордена святого Бенедикта, одновременно исполнявшего роль капеллана – судя по нагрудному кресту, бенедиктинец был рукоположенным священником. Познакомились и с ним, а Гунтер получил благословение, так сказать, «на царство».

– Меня называют отцом Лабрайдом, – густым баском представился монах. Был он вполне молодым, лет двадцать пять от силы, и в нем прослеживалась неистребимая норманнская кровь – белобрысый, со светлыми серо-голубыми глазами и широкой физиономией. Судя по внешнему виду, силушкой отнюдь не обделен. Да, впрочем, священнику, надзирающему за эдакой буйной паствой, иногда приходится поощрять радение заблудших овец не только увещеваниями, но и тумаками. – Сам я родом из Калланмора. Пойдем, познакомлю с родственниками.

Гунтер, а уж тем более сэра Мишель, запутались окончательно, ибо шотландское гостеприимство превосходило все границы благоразумия. Отче Лабрайд, хитро поглядывая из-под черного капюшона рясы, тыкал рукой в сородичей, попеременно называя имена: это Ллердан, это Коннахт, это Дугал, это тоже Ллердан, но уже другой, это Барр, а вот это – запомните его хорошенько! – это Коннахар по прозвищу Крыс. Так самца крысы называют, но почему Коннахар получил это прозвище – не знает никто, кроме него самого. Он бард, в смысле песни поет. Почти как Бертран де Борн, только лучше. Это жена Крыса – Хелед. Она тоже поет, и хочет посмотреть на Палестину и на Гроб Господень. Вот.

Святой отец, видя смущение гостей, взял на себя заботу накормить и напоить как господина барона Мелвиха (кстати, сударь, вы знаете, был когда-то клан Мак-Мелвих, но их всех перебили четыреста тридцать шесть лет назад, когда приплыли викинги-лохлэннехи, а женщины ушли в клан Мак-Милланов. Но имя осталось в названии вашего поместья...), так и его приятеля из франков. Куртуазная чопорность, не особо распространенная в нынешние времена даже среди утонченных французов, полностью позабылась, когда сели за стол.

– Кто притронется к еде без молитвы, – провозгласил отец Лабрайд, узрев тянущиеся руки, – будет исповедаться мне лично! И чтоб не бегать к священникам сейтов! Ллердан, который не наш Ллердан, а Мак-Иннес! Я сказал сначала прочесть «Отче», а потом жрать! Или придешь на исповедь!

Монах покачал в воздухе увесистым кулачищем, и тот Ллердан, который не первый, а второй, и который не из Калланмора, а из Иннесов, прилежно забормотал под нос на гэльском.

Над длинным трапезным столом шумели на морском теплом морском ветру средиземноморские сосны и пахло разогретой солнцем смолой.

– Дикари, – прошептал сэра Мишель на ухо Гунтеру. – Слышишь, они читают молитвы не на латыни?..

– Тихо, – шикнул барон Мелвих. – Оставь. В конце концов, мы в гостях.

Глава третья

Клирики и лирики

9 октября 1189 года.

Мессина, королевство Сицилийское.

В самом начале шестого века, когда дни Западной Римской империи подходили к концу, а Вечный город оказался под властью германских варваров, в Италии появился человек, положивший начало тысячелетней истории католического монашества.

Собственно, монастырские общины были известны давным-давно, а первыми монахами, по всей видимости, являлись иудейские сектанты-ессеи, совершавшие подвиги самоотречения и отшельничества еще во времена Иисуса Христа. Спустя три столетия по Рождеству, когда империя начала распадаться, в Фиваидской пустыне Египта начал проповедовать святой отшельник Антоний – из его жития можно узнать, что, будучи поначалу весьма богатым человеком, Антоний получил Божественное Откровение, раздал имущество бедным и, уйдя из широкого мира, поселился в древнеегипетском могильном склепе, посвятив жизнь борьбе с искушениями и терзаниями плоти. Вскоре слух о святости и богоизбранности Антония распространился по империи, к нему начали стекаться паломники, часть из которых тоже принимала на себя отшельнический обет. Первый настоящий христианский монастырь образовался в Египте, а ревностный ученик Антония, святой Пахомий, упорядочил жизнь монахов, разработав устав, требующий от братии строжайшей умеренности, непрестанного труда и невозможной благотворительности.

Как известно, излишнее радение порождает грех, а беспокойные времена вынуждают людей бежать от опасностей и непредсказуемости мира. Именно так случилось в Византии, когда Восточная империя начала содрогаться под ударами варваров, наступавших отовсюду: болгары и славяне с севера, персы, а затем арабы с востока, африканские берберы с юго-запада. Государство пребывало в состоянии постоянной войны, многие не видели никакого смысла в светской жизни, ибо рано или поздно приходили завоеватели и обращали в прах все, созданное трудами подданных базилевса. Тогда-то и стало невероятно популярным монашество, подорвав силы империи. Обители, появлявшиеся, как грибы после дождя, создавали все и каждый: базилевс, епархи и министры-логофеты, стратиги, центурионы, купцы, крестьяне и так далее до бесконечности. На склонах Олимпа, Афона, в Халкиде, Салониках, Константинополе монастыри насчитывались многими сотнями, а святых братьев было десятки тысяч. По древним уложениям Константина Великого обители освобождались от налогов, следовательно, не приносили никакого дохода стране, молодые сильные мужчины не воевали против дикарей, а принимали постриг, церкви передавалось множество земель... Естественно, начались махинации – богатые византийцы укрывали в монастырях свою личную казну, чтобы освободиться от налогов, обитель имела право взять под свою защиту от властей любых преступников, а некоторые настоятели вовсе торговали церковной собственностью.

Наконец, императору Константину V все это надоело, ибо монахи забрали себе больше власти, чем сам базилевс. Константин закрыл несколько тысяч монастырей, отобрал земельные владения в казну, здания обратил в казармы, а имущество раздал военным в виде благодарности за службу. С тех пор монашеское движение на востоке хоть как-то упорядочилось.

На западе же все обстояло несколько по иному, ибо варваров не интересовали подвиги духовные, предпочитались подвиги военные. Ну каким, скажите, обленившимся дураком нужно быть, чтобы вместо сражений с окружающими тебя врагами забраться на столб с узенькой площадкой на вершине и несколько лет бездейственно там торчать, поднимая упавших с твоего тела червей и сажая их обратно, рассуждая, что червяк тоже тварь и тоже кушать хочет?.. Именно поэтому варвары встречали рассказы о столпниках наподобие Симеона или Макария громовым хохотом.

Когда миновали завоевания, и в Италии образовалось государство готов под рукой короля Теодериха, жизнь стала поспокойнее. Теодерих проникся великолепием Рима, сбросил звериные шкуры и надел тогу, окружив себя многоучеными римскими патрициями – знаменитый Кассиодор был первейшим сенатором при варварском короле, а «последний философ античности» – Боэций являлся близким другом германца. Смешно, но Теодерих в переписке с византийским императором по-варварски горделиво именовался «Базилевсом Рима», считая себя полностью равным с владыкой блистательного Константинополя.

Итак, во времена Теодериха в бывшей империи Рима появился первый монастырь. Его основатель, Бенедикт из Нурсии, пошел по стопам святого Антония, точно так же раздав свои деньги неимущим и удалившись в горы под Монте-Касино. Существовало одно главное отличие от египетских и византийских обителей: «отец западного монашества», Бенедикт Нурсийский, создал «Правила», в соответствии с которыми монастырь обязан полностью сам обеспечивать себя необходимыми для жизни припасами, то есть любой святой брат обязан трудиться. И неважно, на каком поприще – образованные римляне, входившие в братство Бенедикта, учреждали школы или переписывали книги, бывшие крестьяне обрабатывали землю, владеющие ремеслом строили для обители помещения и церковь... Европейское монашество пыталось не отрываться от мира по пагубному примеру Византии.

Прошло шестьсот пятьдесят лет.

Сейчас монаха ордена святого Бенедикта Нурсийского можно встретить в любом королевстве Европы, «Правила» доработали самые выдающиеся люди, создав новое течение внутри ордена, как, например, аскетическое цистерианское направление Бернара из Клерво, и вдобавок появились монастыри для женщин.

Именно такая обитель, стоявшая почти в центре Мессины, стала в октябре 1189 года штаб-квартирой нескольких авантюристов, каждый из которых преследовал свои особенные цели. Мать-настоятельница, взыскательная и суровая аббатиса Ромуальдина Кальтаниссеттская, после первой недели постоянных хождений всяких подозрительных личностей в принадлежащий монастырю странноприимный дом, только рукой махнула на непрошенных постояльцев. Что с них взять – миряне...

* * *

Казакова разбудили, причем весьма непочтительно. После многоумной беседы с Беренгарией о древнеримской литературе он покопался в аптечке, взял один из четырех оставшихся флаконов с антибиотиками, грустно осмотрев поредевшие ряды шприцов-тюбиков, ввел его себе в бедро, а когда принцесса вместе с камеристкой мадам де Борж отправилась в церковь, незаметно уснул, сопровождаемый весьма неприятными мыслями. Его начинало познабливать, а рука покраснела. Значит, воспаление все-таки имеет место быть, а чего вы, собственно, хотите? Неизвестно, в какой грязи валялись арбалетные стрелы и вдобавок неясно, сумел ли Гунтер как следует почистить рану. Цефрана, кстати, надолго не хватит, что хуже всего...

– Сударь! Черт вас задерит, какие нормальные люди дрыхнут в полдень? А ну, поднимайтесь!

Тычок в спину, причем чувствительный. На такое хамство следует отвечать самыми решительными действиями. Казаков попытался как следует пнуть наглеца и даже коснулся пяткой его одежды, но тот успел отскочить.

Господин оруженосец повернулся, протирая глаза большим пальцем правой руки, и, не сдержавшись, выдал несколько выразительных русскоязычных фонов.

Прямоком на Казакова радостно скалился ясноглазый седой старикан с обветренным лицом, чуточку похожий на состарившегося Рутгера Хауэра. Ангерран де Фуа собственной персоной.

– Значит, отдыхаете?

Мессир Ангерран критически осмотрел стол, забитый частью опустошенными, частью полными кувшинами с прохладными травяными отварами и легким вином, но почему-то потянулся к Гунтеровой деревянной фляге. Уж непонятно, чем она прельстила рыцаря из Палестины, но Ангерран смахнул пробку и, не нюхая, хлебнул.

– Пресвятые небеса! – результат не заставил себя ждать. Когда человек запросто делает огромный глоток спирта, причем неразведенного, а самого что ни на есть чистого, глаза лезут на лоб и перехватывают дыхание. Мессир де Фуа откашлялся, вытер потекшие из глаз слезы и вопросительно уставился на Казакова: – Это какая-нибудь особая византийская отравка? Приберегайте на крайний случай?

– Сгущенное вино, – прокричал Сергей, усаживаясь. – Вещь весьма полезная. Вы разве никогда не видели... spiritus?

– Spiritus? В смысле, Святого Духа? – не понял Ангерран. – Нет, белый голубь меня еще не осеял своими крыльями.

– Я не о том, – поморщился Казаков. Палестинец не понял игры слов, ибо в латыни «спирт» и «дух» обозначались одним словом. – Не Spiritus Sancti, а spiritus vini. Винный дух, понимаете?

– Нет, – помотал головой де Фуа. – У вас еще есть такая фляжка?

– Где-то должна заваляться. Если хотите, эту можете взять себе. Понравилось?

– Апельсинчиком бы закусить... – Ангерран до сих пор кривился. – Ядреная вещица, всю глотку обжег. Итак, мой дорогой мессир Серж, я могу осведомиться, почему вы валяетесь здесь, когда происходят столь интересные события? Вы же взялись мне помогать. Свои четыре безанта за седмицу надо отрабатывать!

– Да вот, – немного смутившись, замялся Казаков. Он, конечно, не забыл, что Элеонора Аквитанская порекомендовала его Ангеррану в качестве помощника и Сергей, выполняя свои нехитрые обязанности, несколько дней назад отнес по просьбе рыцаря несколько писем. Но теперь бездеятельность оправдывается уважительными причинами. – Я, сударь, вчера немного поразвлекся на Северной башне...

– То-то у вас рука замотана, я смотрю, – деловито нахмурился седой. – Чем ранили, клинком?

– Арбалет, – вздохнул Казаков.

Его состояние отнюдь не улучшилось, а, наоборот: Сергей чувствовал, как растет температура, а кожа на левой руке покраснела почти до ладони. Хочется спать и пить. Скверная ситуация. Не иначе, поганцы-англичане все-таки мазали свои стрелы чем-то весьма пакостным. Как бы приключения в двенадцатом веке на том и не закончились – сепсис штука крайне неприятная, к тому же, если общее заражение началось, делать что-либо поздно. Между прочим, Ричард Львиное Сердце умер (то есть *еще умрет*, спустя десять лет, если раньше не допрыгается) именно от сепсиса, полученного при таком же ранении – стрела в руку...

– Арбалет, – протянул Ангерран со своей всегдашней ленцой. – Могу я узнать, какого ляда вы полезли в драку, друг мой? Вас об этом просили? Или вы подданный короля Танкреда,

обязанный защищать своего государя? Может быть, ваш сюзерен, господин де Фармер, потребовал? Кажется, вы давеча говорили, будто плохо умеете обращаться с мечом?

– Все побежали и я побежал, – буркнул Казаков. – Мне что, Мишеля бросить надо было? И хочу заметить, что меч не столь сложен в обращении.

– И что вы скажете по поводу ночного штурма? – спросил Ангерран, проявляя неплохую осведомленность о недавних событиях.

– Бездарно. Нападающие и обороняющиеся вели себя просто бездарно.

– Подробнее объясните, – потребовал Ангерран.

– Н-ну... – Казаков ненадолго задумался, но правильному ходу мысли мешали головкружение и дергающая боль в руке. – Насчет англичан не знаю, а сицилийцам я бы посоветовал не кидаться с мечами на лезущих через стену солдат. Лучше устроить чуть подальше несколько десятков людей с этими самыми арбалетами, чтобы отстреливали атакующих – против железного болта никакой доспех не устоит. Тех, кто прорвался – добивать мечниками.

– Разумно, – согласился де Фуа. – Вы неплохо знаете тактические приемы, который раз убеждаюсь. Так, как вы описали, почти никто и никогда не делал. Разве что сарацины при штурме Аксалона в 1153 году. Я там был, видел... Если бы не глупость тамплиеров, мы бы взяли город немедленно.

– «Мы» – это кто? – уточнил Казаков.

– Крестonosное войско короля Иерусалимского, – отчетливо сказал Ангерран и подозрительно оглядел Сергея. – Плохо выглядите, сударь. Красный весь, в поту... Разве монахи не приносили вам лекарств? Между прочим, – де Фуа усмехнулся, – говорят, будто сухой корень горчицы в смеси с высушенным ухом черной собаки и порошком извести дает превосходные результаты.

– Большой сразу оказывается на том свете? – апатично поинтересовался Сергей, не находя здесь ничего смешного.

– Почти, – хохотнул Ангерран. – Просто к жару и истечению жизненных гуморов прибавляются боли в животе и понос. Не думайте, я не смеюсь. Просто, отжив большую и лучшую половину жизни среди арабов, я знаю, каково лекарское искусство неверных и сколь долго европейцам придется учиться у сарацин.

«Сейчас достанет из кармана тушеную по сарацинским рецептам черную жабу и заявит, что это панацея от всех болезней, – уныло подумал Казаков. – Причем любой человек из местных обязательно бы поверил в целительную силу этой вот черной жабы или какого-нибудь экстракта яичников летучей мыши, съел бы и очень не исключено, что поправился. За счет самовнушения. У меня такое никак не получится».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.